9(e)1
3-347
Зарин

Омская Центральная

Пушкинская

БИБЛИОТЕКА

Хр. кат. № 12363

Шифр 323/334

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

Колич. предыд. выдачи

КНП
6
323(09)(47)„1861"
334
9(с)1
3-347.
119068

НА ПУТИ КЪ СВОБОДѢ.

БЕЗСМЕРТНЫЯ РЕФОРМЫ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ.

Историческій очеркъ А. Е. Зарина
съ иллюстраціями

Изданіе А. А. Каспари.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина
№

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство А. А. Каспари. Лиговская улица, собственный домъ, № 114.

Типографія А. А. Каспари.
Лиговская улица, собственный домъ, № 114.

НА ПУТИ КЪ СВОБОДѢ.

Историческій очеркъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ исторіи Россіи имя императора Александра II-го можетъ быть поставлено на ряду съ именемъ Великаго Преобразователя. Если Петръ Великій снялъ съ русскаго кафтанъ и одѣлъ его въ нѣмецкое платье, если онъ мощной волею поставилъ Россію въ среду европейскихъ державъ и пріобщилъ ее къ западной культурѣ, то Александръ II-й докончилъ его дѣло преобразованія. Онъ дѣйствительно сдѣлалъ Россію страною культуры, избавилъ ее отъ всего позорнаго, что напоминало древнюю Русь съ ея полу-татарскими обычаями. Идя въ уровень съ вѣкомъ, онъ совершилъ рядъ великихъ реформъ, давъ странѣ возможность культурнаго развитія и пробудилъ въ ней духъ гражданственности.

До него Россія была страною безправія. Въ основѣ общественнаго и государственнаго устройства лежало позорное крѣпостное право, въ силу котораго нѣсколько тысячъ людей привилегированнаго сословія имѣли почти неограниченную власть надъ двадцатью тремя милльонами рабовъ. Эта жестокая неправда рождала множество иныхъ неправдъ и жестокостей, была причиною темноты и невѣжества, царившихъ на Руси.

Прежде всего при такихъ условіяхъ не могло быть праваго суда и всюду царила „черная неправда“, по выраженію поэта. „Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“,— эта русская поговорка ярко выражаетъ отношенія богатыхъ и сильныхъ къ бѣднымъ и слабымъ. Взяточничество процвѣтало во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и главнымъ образомъ въ канцеляріяхъ мѣстныхъ управленій. Рядомъ со взяточничествомъ шло казнокрадство.

То же самое крѣпостное право не могло не породить жестокости нравовъ, и на Руси розги, плети, клейменіе, палки были законодательными мѣрами исправленія и наказанія.

Битье царило всюду. Въ усадьбахъ били крестьянъ, въ учебныхъ заведеніяхъ — учениковъ, въ войскахъ — солдатъ, и на каждой городской площади совершались жестокія казни.

Срокъ солдатской страшно суровой службы простирался на 25 лѣтъ.

Образованіе было въ жалкомъ состояніи и являлось только привилегіей дворянъ.

Лучшая часть общества, всѣ мыслящіе люди томились въ обстановкѣ такой жизни. Еще въ 1819 г. А. С. Пушкинъ взывалъ:

«Увижу ли, друзья, народъ неугнетеннымъ
И рабство, павшее по манію царя?
И надъ отечествомъ, свободой просвѣщеннымъ,
Взойдетъ ли наконецъ священная заря?»...

Пушкинъ и его друзья не увидѣли освобожденнаго народа и не дождались священной зари. Съ той поры до великаго момента раскрѣпощенія прошло еще сорокъ два года.

На престолъ взошелъ Александръ II-ой, и, „по манію царя“, начались великія преобразованія.

Пало позорное рабство.

Наступилъ конецъ позорнымъ торговымъ казнямъ и истязаніямъ.

Учрежденъ былъ равный для всѣхъ гласный нелицепріятный судъ, съ участіемъ присяжныхъ, которыми могутъ быть почти всѣ обыватели Россіи.

Положено начало земскому самоуправленію.

Уравнены въ гражданскихъ правахъ сословія.

Сокращенъ срокъ военной службы и введена всесословная воинская повинность.

Совершена коренная учебная реформа.

И все это совершилъ въ теченіе какихъ либо пятнадцати лѣтъ одинъ человѣкъ — императоръ Александръ II-ой.

Онъ по праву могъ такъ же, какъ и Петръ, быть названъ Великимъ, но восторженные и умиленные современники великихъ реформъ дали ему болѣе трогательное и близкое сердцу прозваніе. Въ народномъ сознаніи и исторіи онъ запечатлѣнъ именемъ „Царя-Освободителя“.

Памяти его великихъ дѣяній и посвященъ этотъ нашъ историческій очеркъ. Онъ названъ „На пути къ свободѣ“, такъ какъ всѣ безсмертныя дѣянія великаго императора Александра Николаевича положили начало возрожденію Россіи и являются краеугольнымъ камнемъ той полной гражданской свободы, къ которой все болѣе и болѣе приближается теперь Россія благодаря Высочайшему манифесту 17-го октября 1905 г., изданному Державнымъ Внукомъ Царя-Освободителя, Государемъ Императоромъ Николаемъ II Александровичемъ. Не малъ былъ срокъ, протекшій между 19-го февраля 1861 г. и 17-го октября 1905 г., но все же онъ миновалъ, въ государственную жизнь русскаго народа внесены новыя начала, призвавшія его къ законодательной дѣятельности, и безъ сомнѣнія опо вѣщенныя манифестомъ 17-го октября незыблемыя блага свободы ярко расцвѣтутъ на великой

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

I.

Закрѣпощеніе крестьянъ на Руси, которое положило начало „отвратительнаго недуга“*), надо относить къ самому концу XVI-го вѣка, приблизительно около 1592 — 1593 гг. Изъ дошедшихъ же до насъ указовъ самый первый относится къ 1597 году, къ царствованію царя Феодора Ивановича, сына Іоанна Грознаго **). Этимъ указомъ всѣ крестьяне „прикрѣплялись“ къ той землѣ, на которой они въ тотъ моментъ жили, т. е., съ момента появленія этого указа всѣ крестьяне лишались права перехода на другую землю. Къ этому прибавлялось, что „владѣльцы земли“ могли вернуть на свою землю всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые ушли съ ихъ земли менѣе чѣмъ пять лѣтъ назадъ, ушедшіе же болѣе пяти лѣтъ возврату не подлежали. Этимъ указомъ фактически уничтожалось великое право „Юрьева дня“.

„Юрьевъ день“ — это было какъ бы знамя свободы крестьянина, открытый цивильный листъ.

Древняя Русь, безъ сомнѣнія, знала рабство, какъ и всѣ страны въ первое тысячелѣтіе и позднѣе. Рабы — это были взятые въ плѣнъ. Ихъ обращали въ слугъ, ими вели торговлю. Все потомство ихъ принадлежало своему господину. Но, кромѣ этого рабства, другого на Руси не знали. Всѣ поначалу были дѣти своей земли, но естественно матеріальныя блага распредѣлялись не поровну между всѣми. Сильные и храбрые дѣлались воинами, совершали набѣги, грабили добро, уводили въ плѣнъ людей и дѣлались богатыми. Хитрые и энергичные принимались за торговлю и везли свой товаръ къ варягамъ, а отъ варягъ — къ грекамъ и обратно, тоже богатѣя и получая возможность обзавестись рабами. Остальные же могли только заниматься трудомъ рукъ своихъ и промыслами. По рѣкамъ и озерамъ ловили рыбу, по дремучимъ лѣсамъ охотились и добывали медъ, главнымъ же образомъ занимались хлѣбопашествомъ, потому что земли было много.

Такъ и образовалось крестьянское сословіе, которое уже черезъ короткое время стали звать „меньшими людьми“ и „сиротами“ въ отличіе отъ „большихъ людей“. Но они были свободны, селились, гдѣ хотѣли; занимали любую землю, истощали ее и переходили на другую.

Однако время дѣлало свое дѣло. Крестьянинъ естественно могъ занять земли не больше того пространства, которое онъ силами своей семьи могъ оберечь и обработать. Часто селилось по нѣсколько крестьянъ, которые составляли тогда „общину“ и могли занять земли больше. Но воинъ, имѣющій у себя рабовъ для обработки земли, сразу

---

*) Такъ называетъ крѣпостное право авторъ историческаго изслѣдованія «Крестьяне на Руси» И. Д. Бѣляевъ.

**) Если взять за начало даже 1591 г, то времени крѣпостной зависимости у русскаго крестьянина было всего 250 лѣтъ, времени же жестокостей и притѣсненій 150 лѣтъ. Такимъ образомъ это зло существовало въ Россіи по сравненію съ Западной Европой относительно недолго, чѣмъ и можно объяснить отсутствіе «рабскаго духа» у крестьянина и тѣ героическія проявленія, которыми онъ поразилъ міръ въ тяжелыя годины нашествія французовъ и севастопольской обороны. Рабъ никогда не можетъ быть патріотомъ.

одинъ могъ захватить земли неизмѣримо больше всякаго крестьянина. Такъ образовались владѣльцы земли. Это были преимущественно воины, составлявшіе дружину князя и сами князья.

Со времени Владиміра за князьями стали закрѣпляться города со всѣми окрестными землями и образовываться удѣльныя княжества. Князьямъ уже требовались деньги на расходы и всѣ сидящіе у него на землѣ платили ему подать — „полюдное“. Платили, кто какъ могъ: одни половину своихъ сборовъ — хлѣбомъ, рыбою, мѣхами, медомъ, другіе — деньгами, а за это князь оберегалъ ихъ отъ нападеній.

Дальше, съ постепеннымъ захватомъ земли воинами, крестьянину стало трудно, опасно и невыгодно селиться на свободной землѣ. На свободной землѣ онъ былъ беззащитенъ отъ всякаго нападенія; земля часто была въ лѣсу и ее надо было очистить, выкорчевать и лишь тогда обрабатывать, а на владѣльческой землѣ крестьянинъ былъ болѣе спокоенъ и обезпеченъ отъ грубыхъ посягательствъ. И крестьянинъ селился на владѣльческой землѣ или на землѣ большой общины, или на монастырской, или на княжеской, и за это удобство платилъ изъ своихъ доходовъ. Если ему не нравилась земля или не по душѣ были владѣльцы, онъ могъ уйти отъ нихъ на другую землю. Также и его могли попросить убраться, причемъ временемъ такого перехода были двѣ недѣли: одна до „Юрьева дня“, осенняго, и другая — послѣ.

Періодъ междоусобицъ удѣльныхъ князей, а затѣмъ нашествіе татаръ и долгое монгольское иго нанесли самый тяжелый ударъ крестьянамъ и положили начало ихъ закрѣпленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Войны между князьями сопровождались пожарами и разбоями. Татары въ своихъ набѣгахъ выжигали все, что попадалось имъ на пути. И, понятно, во всѣхъ такихъ случаяхъ болѣе всѣхъ страдалъ крестьянинъ, который едва успѣвалъ спасаться отъ бѣды куда либо въ лѣсъ или въ болото, лишаясь сразу всего своего хозяйства. Появились крестьянещіе. Они хотѣли бы сѣсть на землю, они должны были бы работать для себя и для семьи, но у нихъ не было ни сохи, ни бороны, ни косы, ни лошади, чтобы обрабатывать землю, ни зерна, чтобы засѣять поле. Такіе крестьяне пошли къ владѣльцамъ земли, и тѣ охотно давали имъ все необходимое, обязывая ихъ долгомъ и за то увеличивая съ нихъ подать. Съ такимъ крестьяниномъ владѣлецъ заключалъ сдѣлку, по которой тотъ уже не могъ оставить его землю, не заплативъ долга, и получился ужъ видъ закрѣпленія, такъ называемый „закупъ“. Этотъ „закупъ“ былъ уже полусвободный человѣкъ и за провинность, напр., за кражу, обращался въ раба. Владѣльцы, вѣроятно, какъ сильные, нерѣдко злоупотребляли этимъ правомъ.

Было и другого рода закрѣпощеніе человѣка. Иному для чего либо нужны были деньги и онъ за извѣстную сумму шелъ въ „кабалу“, т. е. въ полное рабство на извѣстный срокъ или на всю жизнь. Дѣти такого кабальнаго были свободные люди, но и тутъ владѣльцы дѣлали злоупотребленія.

За этими же исключеніями всѣ крестьяне были людьми свободными и широко пользовались „Юрьевымъ днемъ“, но въ то же время являлись почти единственными плательщиками всѣхъ государственныхъ повинностей. „Лучшіе“ люди несли свою повинность службою, а „сироты“ платили за все: и за то, что заняли землю — владѣльцамъ, и за

Чтеніе указа объ отмѣнѣ Юрьева дня. Рисунокъ М. Андреева.

то, что живутъ—князьямъ. Платили они посошное, ямъ, тамгу, плечее, новоженную куницу; кромѣ того: ѣзовое, помѣрное, городъ дѣлати, княжій или намѣстничь дворъ ставить, коня княжаго кормить и мн. друг.

Царствованіе Іоанна Грознаго, этого истинно „мужичьяго царя“, дало крестьянину самую широкую свободу, дало самостоятельную „общину“

Царь Іоаннъ Грозный. Скульптура М. Антокольскаго.

съ правомъ суда и казни, и при этомъ призывало его къ рѣшенію государственныхъ дѣлъ на такъ называемыхъ „земскихъ соборахъ“, которые олицетворяли собою народное представительство, но рядомъ съ этимъ и отягчило его непомѣрными налогами, такъ какъ Іоаннъ IV велъ безпрерывныя войны, для него нужны были и деньги, и довольствіе войскамъ.

Государство было безпощадно во взиманіи податей, но взыскивало ихъ не съ людей, а съ земли, т. е. податными людьми были лишь тѣ, которые сидѣли на землѣ и обрабатывали ее. Понятно, при такихъ тягостныхъ условіяхъ люди бѣжали съ земли, а вслѣдствіе этого пустовали цѣлыя деревни и села. Податей брать было не съ кого и царская казна терпѣла постоянный недостатокъ.

Тогда-то сынъ грознаго царя Феодоръ и додумался до своей мѣры оградить интересы казны и закрѣпить крестьянина „за землею“, уничтоживъ „Юрьевъ день“, какъ предлогъ къ побѣгу.

Этотъ указъ показался непріятнымъ и крестьянину, и землевлалѣльцу. „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ — воскликнули они оба, первый — смутно предчувствуя грядущее горе, второй—по глупости.

Землевладѣлецъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы крестьяне скрывались въ лѣсахъ и убѣгали отъ него на время составленія „писцовыхъ книгъ“. Послѣ они возвращались и работали на его землѣ, платя ему свой оброкъ. Зато благодаря „Юрьеву дню“ помѣщикъ могъ сманивать къ себѣ крестьянъ, если у него было много земли, а мало на ней сидѣльцевъ. Теперь же онъ лишался этого права. Крестьянинъ, сидѣвшій на его землѣ, дѣлался даже какъ бы собственникомъ, такъ что помѣщикъ не могъ прогнать его съ этой земли.

Недовольство новою мѣрою достигло такихъ размѣровъ, что Борисъ Годуновъ снова возвратилъ права Юрьева дня.

Однако это продолжалось лишь короткій срокъ.

Съ Димитріемъ Самозванцемъ на Москву наѣхали поляки: польскіе

Судъ боярина надъ крѣпостнымъ. (XVII вѣкъ) Рисунокъ Г. Александрова.

вельможи, мелкая шляхта, чванливые, заносчивые, старые, завзятые рабовладѣльцы, для которыхъ „хлопъ“ былъ не человѣкомъ, а только рабочей скотиной, стоящей гораздо ниже доброй борзой собаки или хорошаго коня. Чтобы понять отношеніе польскаго помѣщика къ своимъ рабамъ-крестьянамъ, достаточно прочесть прекрасную книгу ихъ писателя Крашевскаго, подъ названіемъ „Польская старина“. Вотъ эти-то поляки въ короткое время дружбы съ

Царь Борисъ Годуновъ

русскими боярами въ Москвѣ и успѣли объяснить послѣднимъ всю выгоду закрѣпощенія крестьянъ.

Бояре очень быстро усвоили эту науку и въ минуту своей власти, во время семибоярщины, въ 1606 году, прежде всего поспѣшили возстановить силу указа царя Феодора Іоанновича, который раньше казался имъ невыгоднымъ.

Больше о прикрѣпленіи уже не поднималось рѣчи, потому что къ голосу крестьянина никто и не прислушивался.

Смутное время кровавой полосой прошло по Руси, еще болѣе разоривъ и безъ того нищаго мужика.

Когда воцарился Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, страна была разорена; крестьяне почти оставили земли и бродили гультяями, а едва наладилось хозяйство, стали записываться къ помѣщикамъ, составляя „заручныя“, въ которыхъ писали: „А съ той земли мнѣ не сойти, и ни за кого не порядиться и не задаться“. Крестьяне не понимали, что они идутъ въ неволю, да и кормиться имъ надо было. А отъ этихъ „заручныхъ“ происходило то, что и государство было довольно, такъ какъ являлась возможность собирать подати, а помѣщики и подавно, потому что пріобрѣтали даровыхъ на себя работниковъ.

Теперь только одно смущало всѣхъ землевладѣльцевъ: пятилѣтняя давность. У помѣщика, имѣвшаго много земли, всегда было мѣсто для крестьянина, и по жадности онъ стремился набрать ихъ какъ можно больше. Съ этой цѣлью онъ обольщалъ владѣльческихъ крестьянъ большими выгодами и соблазнялъ ихъ бѣжать отъ другихъ владѣльцевъ къ себѣ. Пятилѣтній срокъ — не очень дологъ. Пять лѣтъ онъ, въ случаѣ сыска, могъ всегда укрыть крестьянина, а послѣ тотъ уже жилъ на его землѣ открыто. У крестьянъ еще сохранилась память о Юрьевѣ днѣ и въ случаѣ притѣсненій они бѣжали, твердо зная, что имъ дастъ пріютъ всякій помѣщикъ и на пять лѣтъ сохранитъ и укроетъ. Помѣщикамъ такой порядокъ уже не нравился, и въ 1641 году бояре подали Михаилу Федоровичу челобитную съ просьбою отмѣнить пятилѣтнюю давность, но царь Михаилъ не рѣшился на такую мѣру.

Сдѣлалъ это его сынъ, Алексѣй

Михайловичъ. Бояре поспѣшили и ему подать такую же челобитную, и онъ указомъ 1645 г. отмѣнилъ на будущее время всякую давность, а за прошлое установилъ десять лѣтъ. Послѣ этого указомъ 1647 г. онъ продолжилъ этотъ срокъ до пятнадцати лѣтъ, а затѣмъ въ соборномъ уложеніи 1649 года положилъ считать закрѣпленіе безсрочнымъ, установивъ временемъ — 1626 годъ, когда послѣ пожара Москвы были составлены новыя писцовыя книги. Съ этого времени всѣ крестьяне, закрѣпленные на землѣ помѣщика въ 1626 году, считались за этимъ помѣщикомъ, гдѣ бы они ни находились, и онъ могъ искать ихъ и возвратить на свою землю со всѣмъ ихъ семействомъ. Мало того помѣщикъ, оказавшій имъ пріютъ, платилъ за каждаго бѣглаго по десяти рублей за годъ, что составляло тогда громадную сумму.

Такъ совершилось окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

II.

Выше было сказано, что состоялось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, но это вовсе не было закрѣпощеніе. Въ этотъ періодъ произошло даже повидимому странное перемѣщеніе. Помѣщичья земля какъ бы перешла къ крестьянину, съ которой согнать его было нельзя. Можно было продать землю, но вмѣстѣ съ крестьяниномъ,—вѣрнѣе продать право на взиманіе арендной платы. Въ свою очередь крестьянинъ могъ завѣщать свою землю, могъ подарить ее и тоже продать, — вѣрнѣе право обрабатывать ее съ обязательствомъ нести всѣ повинности за нее Мало того не помѣщикъ, а государство опредѣляло надѣлъ крестьянину (6 десятинъ) и утверждало его сдѣлку съ помѣщикомъ. У крестьянъ сохранилась ихъ община а помѣщикъ не имѣлъ вмѣшательства въ ихъ жизнь. Государство въ свою очередь считалось съ крестьянской общиной непосредственно.

Однако крестьянинъ былъ уже прикрѣпленъ и страшно отягченъ поборами за свое право жить и кормиться. Для государства онъ былъ единственнымъ плательщикомъ, для землевладѣльца тоже. Многимъ было уже не въ силу имѣть полный надѣлъ; они пріобрѣтали половину надѣла, называясь „бобылями“.

Кромѣ нихъ были еще казаки, т. е. крестьяне, не имѣющіе надѣла и работающіе за плату, а также и просто гультяи, т. е. совершенно свободные люди крестьянскаго сословія. Кромѣ того въ каждой семьѣ были т. наз. „захребетники“, т. е. вся родня.

Всѣ эти люди не платили никакихъ податей и не несли никакихъ повинностей, такъ какъ государство брало подать только съ обрабатываемой земли.

При этомъ помѣщики изъ личныхъ выгодъ помогали крестьянамъ обманывать правительство. Во время составленія списковъ они позволяли крестьянамъ прятаться, часть крестьянъ показывали у себя за дворомъ, т. е. безземельными, а свои земли — пустующими. Крестьянинъ освобождался отъ казенныхъ податей, но зато помѣщикъ увеличивалъ ему оброкъ.

Великій Петръ сразу понялъ этотъ непорядокъ. Кромѣ того, для его великихъ дѣлъ необходимы были громадныя средства, а казна была пуста. И вотъ, преслѣдуя свои государственныя цѣли и изыскивая средства увеличить доходъ казны, онъ обратилъ все свободное крестьянство въ рабовъ, сразу закрѣпостилъ всѣ милльоны за нѣсколькими тысячами помѣщиковъ.

Указомъ отъ 26-го ноября 1718 г. Петръ I приказалъ произвести ревизію съ точною записью, сколько

у какого помѣщика числится людей мужского пола дворовыхъ, т. е. имѣющихъ надѣлы, задворныхъ, т. е. безъ надѣла, въ личномъ услуженіи и дѣловыхъ, т. е. работающихъ ремесломъ; всѣхъ этихъ людей записать „душами“ за помѣщикомъ и брать съ помѣщика подать, а также нужное число людей въ солдаты, по числу имѣющихся у него „душъ“.

Это значило полное уничтоженіе стараго порядка. У крестьянина сразу отнималась земля. Онъ, бобыль и дѣловой сразу были смѣшаны съ

Императоръ Петръ I.

задворными, кабальными, холопами и обращены въ господскія души. Государство прекращало съ ними всякія сношенія и брало подать уже съ помѣщика, по числу имѣвшихся у него душъ, предоставляя ему полное право получать свое съ этихъ „душъ“. Помѣщикъ получилъ полную власть надъ своимъ, отнынѣ крѣпостнымъ, человѣкомъ. Хотѣлъ онъ дать ему землю—дастъ, не хотѣлъ—не дастъ. Онъ могъ обратить его въ своего слугу, могъ заставить работать по дому, отдать въ солдаты, даже продать.

Ревизія 1719 года привела этотъ указъ въ исполненіе, и съ этого года неудержимо быстро начало развиваться на Руси крѣпостничество.

Желая поощрить промышленность, развитіе фабричной и заводской дѣятельности, Петръ указомъ 18-го января 1721 года разрѣшилъ шляхетству (дворянству) и купечеству пріобрѣтать деревни, приписывая ихъ къ фабрикамъ и заводамъ. Въ этомъ случаѣ люди оказывались только рабочею силою и владѣльцы брали изъ нихъ все, что только возможно.

Наконецъ указомъ 1-го іюня 1722 г. Петръ I приказалъ всѣмъ прежнимъ свободнымъ людямъ или записаться на какого либо помѣщика, или идти въ солдаты, грозя за ослушаніе галерными работами.

Такимъ образомъ все крестьянское сословіе сразу было обращено въ крѣпостное состояніе, въ рабовъ, и власть помѣщиковъ сказалась тотчасъ. Спустя немного времени, Петръ издалъ указъ, запрещавшій продавать крѣпостныхъ семейныхъ людей врозь, но этотъ указъ остался безсильнымъ.

III.

Все же Петръ I сдерживалъ по мѣрѣ силъ произволъ помѣщиковъ, хотя бы уже тѣмъ, что оставилъ за крестьяниномъ право идти въ военную службу, гдѣ онъ могъ даже выслужиться. По смерти же Петра, въ какія нибудь тридцать пять лѣтъ, крѣпостные люди были совсѣмъ обезличены. Въ этомъ направленіи вплоть до царствованія Павла I-го издавались и указы, и манифесты, заканчившіеся манифестомъ Екатерины II „о вольности дворянства“.

Въ 1730 году боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестья-

Крестьянская барщина (XVIII вѣкъ). Рисунокъ М. Андреева.

намъ было запрещено пріобрѣтать недвижимыя имѣнья. Въ 1731 г. имъ запретили вступать въ подряды и откупы. Въ 1734 г. запрещено покупать людей въ услуженіе и даже для поставки вмѣсто себя рекрутъ.

Надо замѣтить, что во всѣ времена крѣпостного права среди крѣпостныхъ были очень богатые люди. Обыкновенно они наживались на торговлѣ, жили въ городахъ и платили своему владѣльцу громадные оброки. Вотъ на нихъ-то и простирался этотъ указъ, принуждая всѣ

Императрица Екатерина II.

подобныя пріобрѣтенья и сдѣлки совершать на имя своего барина.

Каковы были богачи изъ крѣпостныхъ людей, достаточно для примѣра привести Елисѣева, главу извѣстной фирмы, который все время былъ крѣпостнымъ гр. Шереметева.

Когда во время Елисаветы Петровны отъ страшныхъ притѣсненій со стороны помѣщиковъ крестьяне толпами бѣжали съ земли и просились въ военную службу, въ 1742 году былъ изданъ указъ, лишавшій ихъ права самовольно вступать въ военную службу и за такія попытки грозившій кнутомъ и каторгой.

Въ 1758 г. былъ изданъ указъ, приказывавшій всѣмъ, имѣющимъ имѣнья или крѣпостныхъ, но не имѣющимъ на то права по указу 1730 г., продать таковыя не далѣе, какъ въ полугодичный срокъ, а въ то же время дворянамъ было разрѣшено пріобрѣтать людей, даже не имѣя деревень. Эти указы породили возмутительную торговлю людями, которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ выставляли на ярмаркахъ.

Въ 1747 году дворяне получили право продавать людей съ цѣлью поставки рекрутъ, а въ 1760 г. имъ было дано право ссылать своихъ крѣпостныхъ людей въ Сибирь, за что даже имъ назначалось изъ казны удовлетвореніе: за взрослыхъ мужчинъ давалась въ зачетъ рекрутская квитанція, за мальчика до пяти лѣтъ—10 рублей, за мальчика до пятнадцати лѣтъ—20 рублей.

Въ 1751 г. тѣмъ же дворянамъ было разрѣшено хворыхъ, старыхъ, негодныхъ къ работѣ людей отпускать „на волю“, т. е. просто выгонять ихъ на холодъ, голодъ, на нищенскую жизнь.

Понятно, во всѣхъ такихъ случаяхъ казна продолжала брать подушныя, а помѣщикъ конечно разлагалъ ихъ на имѣвшихся у него крестьянъ.

До чего былъ обезличенъ крестьянинъ, видно изъ того, что въ манифестѣ 25-го ноября 1741 г. крестьяне были исключены изъ присяги на вѣрноподданничество, т. е. они уже не признавались членами русскаго общества.

Дальше идти нельзя. Но можно было еще расширить права дворян-

ства. И вотъ 21-го апрѣля 1785 г. императрица Екатерина II издала жалованную дворянству грамоту, грамоту „о вольности дворянства".

До того времени всѣ несли государственныя повинности: торговый людъ—пошлины и налоги, крестьяне—подати, дворянство же — царскую службу. Начиная отъ времени князей, дворяне (прежде — дружина и бояре) награждались землею и правомъ владѣть ею за свою службу. Дворянинъ уже съ рожденія приписывался къ полку или какой либо канцеляріи, гдѣ потомъ и долженъ былъ отбывать свою повинность. Это тяготило дворянъ, предпочитавшихъ веселое житье среди своихъ подданныхъ скучной, а иногда и тяжелой службѣ.

Екатерина II, всю свою жизнь боявшаяся за свою прочность на престолѣ, искала себѣ опоры въ дворянствѣ и съ цѣлью снискать ихъ любовь пожаловала имъ вольности.

Эти вольности заключались въ томъ, что дворяне: 1) по желанію могли служить и не служить, 2) отъ всякихъ податей освобождались и 3) могли ѣхать за границу и служить въ государствахъ, дружественныхъ Россіи.

У крестьянъ было отнято все, дворяне же получили полную свободу и вмѣстѣ власть надъ своими крѣпостными.

Эта же Екатерина II однимъ почеркомъ пера обратила въ дворянъ всѣхъ помѣщиковъ Малороссіи и закрѣпила за ними всѣхъ крестьянъ, создавъ и тамъ крѣпостничество, уже разъѣдавшее Россію.

Власть помѣщика надъ своими крестьянами стала неограниченной. Они торговали людьми, какъ скотомъ, и газетныя объявленія того времени пестрѣли предложеніями самаго возмутительнаго свойства.

„Продаются сани, двѣ перины, меринъ и тутъ же дѣвка восемнадцати лѣтъ, готовая для услугъ въ горницахъ".

„Продаются поваръ, лакей и сѣдельный мастеръ, диванъ и музыкальный ящикъ".

Вотъ примѣры такихъ объявленій.

Людей истязали, били и даже забивали. До чего дошли ужасы и мерзость этого „недуга", можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ *).

Просвѣщенный, и даже писатель, А. Т. Болотовъ, чтобы заставить вора назвать своего сообщника, накормилъ его селедкой и посадилъ въ теплую баню, не давая воды.

Это было очень милостиво, потому что другой, нѣкто Тепловъ, чтобы добиться отъ двухъ заподозрѣнныхъ сознанія, подвѣсилъ ихъ за пальцы и въ такомъ положеніи поролъ!

Эстляндскій губернаторъ Дугласъ поролъ людей всегда въ своемъ присутствіи, поролъ до безпамятства, послѣ чего приказывалъ засыпать израненныя спины порохомъ и собственноручно поджигалъ его!

Аракчеевъ, наказывая дворовыхъ, собиралъ хоръ дѣвушекъ, которыя заглушали крики жертвъ пѣніемъ: „Со святыми упокой!".

Знаменитый Измайловъ, рязанскій помѣщикъ, держалъ у себя гаремъ, куда приводили дѣвушекъ отъ шестнадцати лѣтъ, и предлагалъ ихъ всѣмъ своимъ гостямъ. Въ случаѣ ослушанія онъ жегъ избы родителей этихъ ослушницъ и сѣкъ безъ пощады.

Помѣщикъ Шестаковъ въ наказаніе жегъ подошвы людямъ, а борзыхъ щенковъ своей своры давалъ кормить женщинамъ грудью.

Княгиня Козловская сѣкла дѣвушекъ по грудямъ, травила мужиковъ собаками и однажды изъ ревности собственноручно разорвала своей горничной ротъ до ушей.

---

*) Эти примѣры взяты изъ періода отъ Екатерины II до Александра I.

Ужасы были неописуемые, и яркимъ олицетвореніемъ ихъ явилась знаменитая „Салтычиха“, такъ прозванная крестьянами, въ дѣйствительности же вдова Дарья Николаева, помѣщица времени Екатерины II. Она собственноручно забила и замучила до пятисотъ людей. Ея изобрѣтательность въ дѣлѣ мученьства превосходила инквизицію, причемъ къ этому присоединилась и личная кровожадность. Такъ, „Салтычиха“ откусывала у женщинъ сосцы, во время завтрака провинившейся дѣвушкѣ втыкала въ тѣло длинныя шпильки, за малыя провинности гладила спину горячимъ утюгомъ! Она засѣкала людей, на морозѣ обливала раздѣтыхъ водою, шпарила кипяткомъ, вырывала бороды по волоску. Въ народѣ про Салтычиху говорили, что она ѣстъ мясо дѣвушекъ и дѣтей, и звали ее „людоѣдкой“.

Императоръ Павелъ I.

Слухъ о звѣрствахъ Дарьи Николаевой дошелъ наконецъ до императрицы. Были назначены слѣдствіе и судъ, и Екатерина не могла отнестись спокойно къ такой злодѣйкѣ. Указомъ 10-го декабря 1768 г. Салтычиху лишили званія, выставили у позорнаго столба съ надписью „мучительница и душегубица“, а потомъ посадили навѣки въ цѣпяхъ въ подземную тюрьму при женскомъ монастырѣ.

Такихъ, какъ Салтычиха, было немного, но такихъ, какъ Козловская и Шестаковъ, было не мало въ каждой губерніи. Несмотря на это, до самаго царствованія Николая I не было ни одного указанія, ограничивающаго произволъ помѣщика.

Конечно то тутъ, то тамъ происходили волненія крестьянъ, недовольныхъ притѣсненіями помѣщиковъ, но они имѣли лишь мѣстное значеніе. Государственную опасность въ эпоху Екатерины II представилъ Пугачевскій бунтъ, къ которому примкнули крестьяне Поволжья. Пугачевъ привлекъ ихъ обѣщаніями всякихъ вольностей, дѣлалъ набѣги на помѣщичьи усадьбы, во многихъ случаяхъ лично творилъ свой „судъ и расправу“ надъ помѣщиками или предоставлялъ крестьянамъ лично раздѣлываться съ ними. Эта расправа во многихъ случаяхъ была чрезвычайно жестока. Неизвѣстно, какъ далеко распространилось бы движеніе при Пугачевѣ (опасались, что онъ дойдетъ до Москвы), но къ счастью удалось поймать его, и страшная казнь, которой Пугачевъ подвергся въ Москвѣ произвела устрашающее впечатлѣніе въ народѣ, и волненіе постепенно затихло.

Въ развитіи „отвратительнаго недуга“ идти далѣе вѣка Екатерины было нельзя, и уже съ царствованія Павла I началось стремленіе къ улучшенію быта крестьянъ. Павелъ издалъ указъ, по которому помѣщикъ не имѣлъ права заставлять крестьянина работать въ воскресный день, а въ теченіе недѣли три дня

119068.

Развлеченіе помѣщиковъ въ эпоху Екатерины II. Рисунокъ М. Андреева.

предоставлялись крестьянину для работы по своему хозяйству.

Въ царствованіе Александра I было запрещено печатать гнусныя объявленія о продажѣ людей безъ земли (указъ 28-го мая 1801 г.) и затѣмъ, въ 1804 г., изданъ законъ о „вольныхъ хлѣбопашцахъ", по которому помѣщикъ могъ отпускать своихъ крѣпостныхъ съ землею на волю.

Кромѣ того всѣмъ казеннымъ поселенцамъ и крестьянамъ, отпущеннымъ на волю, предоставлено право пріобрѣтать въ собственность землю. Въ 1814 г. императоръ выразилъ

Императоръ Александръ I.

надежду, что крѣпостное право будетъ уничтожено въ его правленіе, въ 1816 г. утвердилъ проектъ эстляндскаго, а затѣмъ курляндскаго и лифляндскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ (но безъ земли), поручилъ Аракчееву разработать проектъ уничтоженія крѣпостной зависимости, но не могъ осуществить его вслѣдствіе смерти.

Николай I поставилъ себѣ задачею освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и одинъ за другимъ основывалъ и закрывалъ „секретные комитеты", но дворянство уже настолько свыклось со своими правами, что противилось всякой доброй попыткѣ. Надъ этимъ дѣломъ работали просвѣщенные дѣятели М. М. Сперанскій, графъ В. П. Кочубей, но предлагали освободить крестьянъ безъ земли. Противъ этого горячо возражалъ графъ Киселевъ, который предложилъ предоставить крестьянамъ личную свободу и затѣмъ дать имъ въ пользованіе землю взамѣнъ повинностей и оброка, т. е. создалъ проектъ объ обязанныхъ крестьянахъ, который — увы! — не имѣлъ успѣха. Однако лично императоръ Николай I все время стоялъ за освобожденіе крестьянъ. Въ своей рѣчи смоленскимъ дворянамъ онъ заявилъ:

— Теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ихъ нашею кровью, пролитой за государство; но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны, и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ.

Однако всѣ добрыя начинанія императора всюду встрѣчали препятствія. Болѣе дѣйствительное улучшеніе положенія крестьянъ было проведено въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ закономъ 15-го апрѣля 1848 г. учреждались губернскіе комитеты для введенія инвентарей. По каждому имѣнію инвентари составлялись и утверждались сначала на шесть лѣтъ, а затѣмъ должны были вступить въ дѣйствіе полныя и окончательныя правила объ инвентаряхъ, и эта реформа стала распространяться и на Юго-Западный край. Но въ сердцѣ Россіи сдѣлать почти ничего не удалось. Тутъ кстати подоспѣла вево-

люція 1848 г., которая дала крѣпостникамъ возможность запугать государя призракомъ Пугачева и онъ, совершенно прекративъ свои попытки, завѣщалъ святое дѣло сыну.

„Отвратительный недугъ“ уже разъѣдалъ Россію, но вмѣстѣ съ этимъ назрѣвало и великое дѣло освобожденія, и Россія переживала тревожное время.

IV.

Ничтожные результаты, которыхъ достигли въ пользу закрѣпощеннаго крестьянина два императора (Павелъ и Николай) послѣ громадныхъ усилій; то обстоятельство, что къ концу своихъ царствованій оба они отказались отъ освободительныхъ идей и стали на сторону реакціи,— убѣждало дворянство въ его кажущейся силѣ, и помѣщики въ своемъ произволѣ наглѣли все больше и больше.

Самаринъ, въ замѣткѣ о Малороссіи, называетъ одно имѣніе, въ которомъ ежедневно сѣкли отъ 40 до 60 бабъ, въ томъ числѣ и беременныхъ, „отчего было много несчастныхъ случаевъ и распространилась падучая болѣзнь“.

А. Н. Плещеевъ въ письмѣ къ Дурову называетъ помѣщика Смирнова, который „развелъ у себя въ деревнѣ гаремъ и изнасиловалъ одну дѣвушку на глазахъ отца и матери“.

Продажа крестьянъ, несмотря на запрещеніе, продолжалась въ тѣхъ же размѣрахъ, истязанья и издѣвательства не прекращались, переходя часто въ кошмарныя формы.

Былъ случай, когда помѣщикъ затравилъ собаками ребенка на глазахъ отца; былъ помѣщикъ, который, потѣхи ради, скатывалъ съ ледяной горы раздѣтыхъ бабъ, и вообще трудно подыскать такое безобразіе, котораго помѣщикъ не совершалъ бы по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ людямъ. Словно предчувствуя, что дней ихъ власти осталось немного, помѣщики торопились пресытиться ею.

Еще страшнѣе помѣщиковъ для крестьянъ являлись управители, иногда изъ своихъ же крестьянъ, иногда изъ помѣщиковъ, иногда изъ мелкихъ подъячихъ. Жестокость такихъ управителей, алчность и цинизмъ не поддаются никакимъ описаніямъ.

Въ свою очередь и крестьяне не оставались совершенно безотвѣтны, и въ продолженіе всего царствованія Николая Павловича то здѣсь, то тамъ вспыхивали бунты, общее число которыхъ во все время царствованія доходитъ до 556 случаевъ; изъ нихъ нѣкоторые отличались своими размѣрами, а другіе—своей жестокостью въ расправахъ.

Мѣра терпѣнія крѣпостного мужика переполнялась. Не было ни одного бунта, своими размѣрами напоминавшаго Пугачевщину, но предъ дворянами все время стоялъ его призракъ и они требовали отъ правительства жестокихъ мѣръ, обвиняли его въ бездѣйствіи власти, хотя всюду военныя команды быстро и готовно проявляли свое стараніе.

Жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ попрежнему были запрещены и жалобщики подвергались тѣлесному наказанію.

Несмотря на это, жалобы отъ крестьянъ на жестокое съ ними обращеніе и на обременительность оброка и барщины поступали въ министерство десятками и вынуждали все-таки обратить на нихъ вниманіе. Результатомъ этого были слѣдствія, и въ теченіе царствованія императора Николая I было взято подъ опеку до 200 имѣній. Конечно это—ничтожный результатъ по сравненію съ количествомъ поступавшихъ жалобъ, но это объясняется тѣмъ, что во многихъ губерніяхъ сами губер-

наторы и предводители дворянства были на сторонѣ помѣщиковъ, считая, что „въ настоящее время защищеніе помѣщичьей власти по самому человѣколюбію болѣе полезно, нежели запрещеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ индивидумовъ отъ притѣсненій и истязаній“, какъ писалъ напр. министру Перовскому предводитель тульскаго губернскаго дворянства, помѣщикъ Мясновъ.

Видя, что жалобы не приносятъ никакой пользы и въ очень рѣдкихъ случаяхъ улучшаютъ положеніе крѣ-

Императоръ Николай I.

постныхъ, крестьяне обращались къ другимъ формамъ протеста противъ гнета помѣщиковъ.

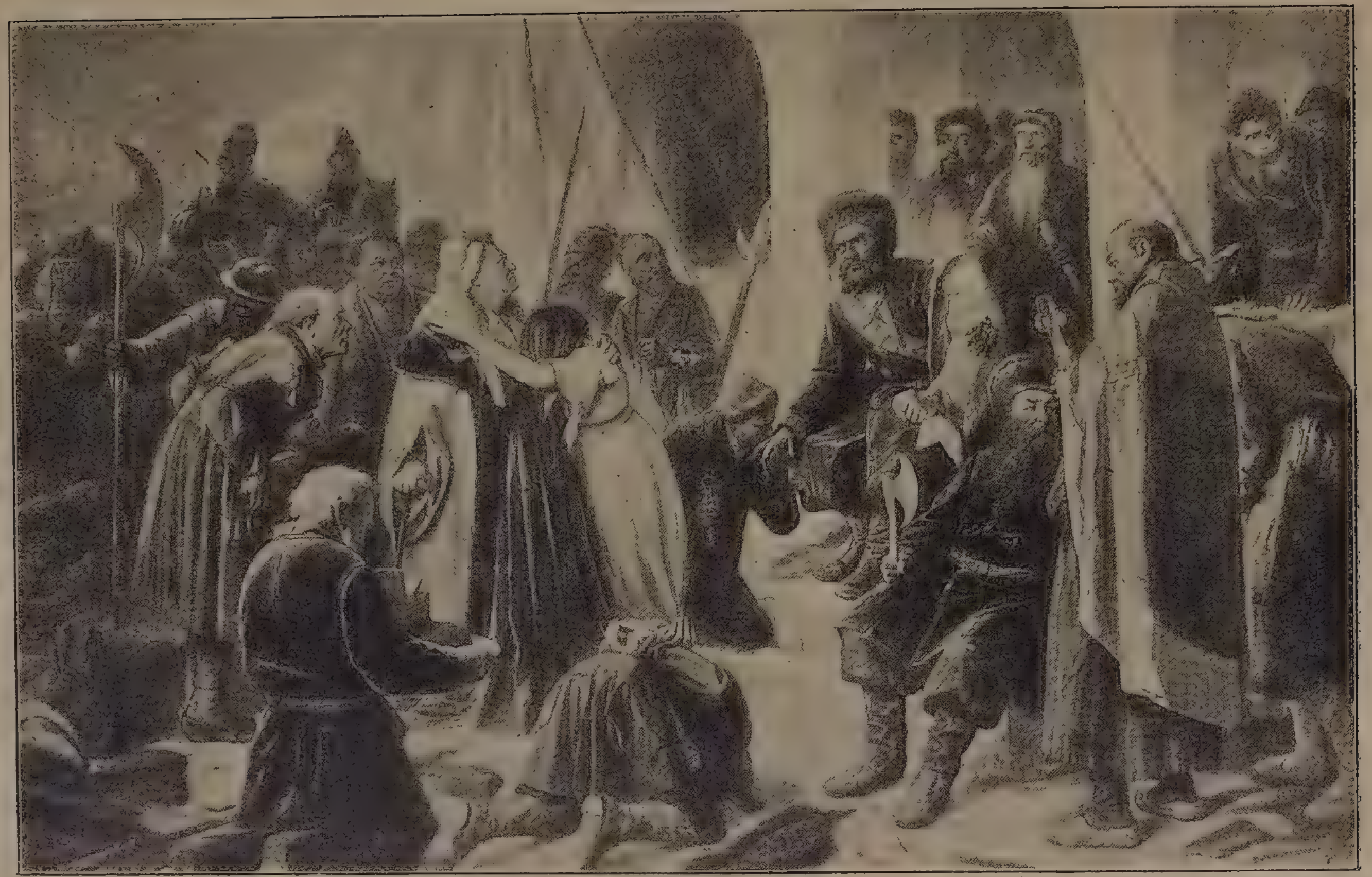
Немало изъ нихъ обращалось въ бѣгство, главнымъ образомъ на Кавказъ; другіе поджигали помѣщичьи усадьбы, третьи лично расправлялись съ жестокими помѣщиками, четвертые бунтовали цѣлыми уѣздами.

Мщеніе крестьянъ очень часто выражалось въ оскорбительной для дворянской чести формѣ: они порол и своихъ помѣщиковъ. Такъ были высѣчены помѣщикъ Головкинъ, капитанъ Шлихтингъ, князь Еникѣевъ, помѣщикъ Акатовъ, а также камергеръ и статскій совѣтникъ Базилевскій въ своемъ имѣньѣ Хорольскаго уѣзда, Полтавской губ.

Послѣдній эпизодъ не лишенъ юмора. Дворовые высѣкли камергера больно-пребольно и взяли съ него расписку въ томъ, что онъ будетъ молчать и никому не отмститъ. Камергеръ на время присмирѣлъ, а затѣмъ поставилъ въ рекруты одного изъ поровшихъ его, такъ сказать, „за усердіе“. Молодой рекрутъ, когда ему забрили лобъ, недолго думая, сказалъ предсѣдателю пріемной комиссіи, что баринъ сдалъ его въ солдаты за то, что онъ больно его сѣкъ, и въ доказательство представилъ расписку Базилевскаго. Всѣ присутствующіе въ засѣданіи такъ были поражены этимъ фактомъ, что не догадались ни расписку уничтожить, ни угнать рекрута, ни прочесть расписку камергеру, а предсѣдатель препроводилъ ее министру. Министръ тоже пришелъ въ смущеніе и представилъ ее государю. Все измѣнилось для камергера Базилевскаго. Пока онъ сѣкъ,—его принимали ко двору, въ Москвѣ къ нему толпами съѣзжались гости; когда его высѣкли, — дворянство отвернулось отъ него съ презрѣніемъ, а государь лишилъ придворнаго званія и приказалъ ѣхать за границу.

Ю. Самаринъ въ своей запискѣ „О крѣпостномъ состояніи“ отмѣчаетъ, что случаи тѣлесныхъ исправительныхъ наказаній помѣщиковъ стали довольно часты и что это ясно указываетъ на совершенное паденіе нравственнаго авторитета помѣщичьей власти.

Вслѣдъ за этимъ хроника 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ XIX вѣка указываетъ на массу покушеній на жизнь помѣщиковъ, начало которымъ послужило убійство Минкиной (лю-



Судъ Пугачева (XVIII вѣкъ). Съ картины Перова. (Русскій музей императора Александра III.)

овницы Аракчеева). Убивали помѣщиковъ, управляющихъ, экономовъ. Ихъ душили, рѣзали, стрѣляли изъ ружья, а одного ярославскаго помѣщика, Щепочкина, взорвали порохомъ во время сна. Причиною всѣхъ этихъ преступленій была жестокость помѣщиковъ, а также ихъ развратъ, какъ напримѣръ случай съ помѣщикомъ Хитрово, который былъ убитъ дворовыми женщинами „за вынужденіе ихъ къ преступной связи“.

Въ то же время съ необыкновенною легкостью вспыхивали бунты, то ограничиваясь крестьянами одного имѣнія, то захватывая цѣлые уѣзды. Такъ, въ 1846 г. произошло волненіе въ шести смежныхъ имѣніяхъ, а въ 1849 г. было волненіе десяти тысячъ крестьянъ Курской губерніи. Всего въ царствованіе Николая I оффиціально зарегистрировано 556 случаевъ волненій, но число ихъ въ дѣйствительности гораздо больше.

Укрощеніе этихъ волненій происходило самымъ безпощаднымъ образомъ.

Въ 1847 году произошло волненіе въ имѣніи кн. Голицына, въ которомъ насчитывалось 1.400 душъ. Губернаторъ испугался возможности распространенія волненія и поѣхалъ на укрощеніе, взявъ съ собою три роты, т. е. около 700 солдатъ. Крестьяне не оказали никакого сопротивленія и тотчасъ смирились. Тогда началась экзекуція уже „для острастки“.

Предъ экзекуціей одна старуха попросила пощадить ея тщедушнаго сына. Вышелъ узкоплечій, малорослый, худой и блѣдный парень. Губернаторъ строго спросилъ его:

— Будешь ли теперь безпрекословно повиноваться князю Голицыну?

— Какъ міръ, такъ и я!—заикаясь отвѣтилъ парень.

— А, такъ-то!—закричалъ губернаторъ,—дать ему первому двадцать пять горячихъ!

Ему „дали“, и губернаторъ снова повторилъ свой вопросъ.

— Какъ міръ, такъ и я!—отвѣтилъ едва слышно парень.

— Еще двадцать пять!

Крестьянину снова „дали“ и снова спросили; онъ отвѣтилъ то же, и его сѣкли до безпамятства.

То же произошло и со слѣдующими. Когда дошла очередь до „зачинщиковъ“, то первый изъ нихъ забилъ ротъ землею, чтобы не кричать. Въ это время бабы, чтобы отвлечь вниманіе, стали кидаться въ прудъ, но это нисколько не остановило губернатора.

Въ усмиреніяхъ бунтовъ особенно старательные доходили до совершенныхъ нелѣпостей. Такъ, есть донесеніе калужскаго вице-губернатора Митусова, въ которомъ онъ пишетъ совершенно искренне и откровенно:

„По прибытіи въ деревню не нашелъ никого изъ крестьянъ, пересѣкъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей, въ страхъ другимъ. Дабы вызвать зачинщиковъ, сжегъ особо стоящую клѣть“.

Жандармскій полковникъ Э. написалъ объ усмиреніи крестьянъ удѣльнаго вѣдомства въ 1834 г.:

„Начали съ семидесятилѣтняго старика, котораго забили до смерти и на мертваго уже надѣли кандалы, затѣмъ били еще 13 человѣкъ и только 14-й, послѣ трехсотъ ударовъ, объявилъ, что будетъ повиноваться... засѣченные ожили: отлили водою“.

При усмиреніи крестьянъ Новгородской губерніи въ 1826 г. не въ мѣру усердный сенаторъ Барановъ „строгости ради“ повелѣлъ генералъ-маіору Шкурину „выжечь до основанія деревню Березину“, а Шкуринъ попросилъ для этого употребить 5-й егерскій батальонъ „ради чести военной“.

Продажа крѣпостной (Начало XIX вѣка). Рисунокъ М. Александрова.

Такое усердіе возмутило императора Николая Павловича, и онъ приказалъ объявить, что „такой постыдный вызовъ генералъ-маіора Шкурина, весьма ложно имъ относимый къ чести воинской, отнести скорѣе къ позору".

Такимъ образомъ видно, что крестьяне, доведенные до отчаянія, начинали бунтоваться; помѣщики въ свою очередь утративъ всякій нравственный авторитетъ, удерживали свои неестественныя права только жестокостями и силою войска, которое предоставляло имъ правительство. „Отвратительный недугъ" раскинулся по всей Россіи и точилъ ее, быстро истощая физическія и нравственныя силы. Казалось, могучая страна находится наканунѣ разложенія, и, когда разразилась Крымская война, во всей ужасной наготѣ явились безсиліе и разстройство Россіи. Нерѣшительность высшей власти, казнокрадство, лихоимство, совершенное невѣжество—все вело Россію къ погибели, и только одни крестьяне въ лицѣ русскаго солдата спасли честь Россіи и заставляли съ изумленіемъ смотрѣть на нее Европу.

Императоръ Николай Павловичъ понялъ это. Его гордое сердце было смертельно ранено. Гибель Россіи казалась ему неизбѣжною, если не будетъ положенъ конецъ позорному рабству, и, умирая на своей походной постели, онъ завѣщалъ своему сыну совершить то великое дѣло, которое онъ задумалъ, но не могъ выполнить.

— Сдаю тебѣ команду, но къ сожалѣнію не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ!—въ заключеніе сказалъ императоръ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу и умеръ съ горькимъ сознаніемъ невыполненнаго долга и съ отрадной увѣренностью, что передалъ святое дѣло въ надежныя руки.

V.

Императоръ Николай Павловичъ скончался, не доведя до конца своего завѣтнаго дѣла — освобожденія крестьянъ, но поручивъ его своему наслѣднику.

Въ то время какъ императоръ Николай I предпринималъ свои великія начинанія совершенно одинокимъ, императоръ Александръ II встрѣтилъ подлѣ себя дружескую энергическую поддержку въ лицѣ своего брата Константина Николаевича и тетки, великой княгини Елены Павловны, и живую помощь въ лицѣ С. С. Ланского, Я. И. Ростовцева и др.

Первые шаги императора Александра II на моментъ успокоили и даже оживили дворянъ. Паденіе Севастополя естественнымъ путемъ положило конецъ кровавой войнѣ. Непріятель не могъ не признать за русскою арміей ея геройскаго духа и устрашился продолжать войну. Миръ былъ заключенъ, и въ кровавомъ отблескѣ оконченной войны государь увидѣлъ свое отечество потрясеннымъ, разоряемымъ, наполненнымъ хищниками, развратниками, казнокрадами. Въ эти минуты ему показалось страшнымъ приступить разомъ къ исполненію отцовской воли. Только этимъ и можно было объяснить, что человѣкъ либеральныхъ мыслей, бывшій декабристъ, Ланской, когда въ августѣ 1855 г. получилъ назначеніе быть министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто свирѣпаго Бибикова, въ своемъ циркулярѣ обмолвился такою фразою: „Государемъ повелѣно мнѣ нерушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству".

Крѣпостники ожили и возликовали. Циркуляръ Ланского пришлось напечатать еще разъ,—такъ жадно расхватывали его помѣщики, поняв-шіе подъ своими правами одно толь-

Императоръ Николай Павловичъ, благословляющій своего сына, великаго князя Александра Николаевича.
Рисунокъ Г. Заборовскаго.

ко право—попрежнему владѣть крѣпостными крестьянами.

Но ихъ ликованію почти тотчасъ пришелъ конецъ, и снова всѣ они всполошились въ предчувствіи опасности.

Въ манифестѣ отъ 19-го марта 1856 г. о заключеніи мира встрѣтилась очень запутанная, неясная фраза, которая смутила ихъ покой: „Каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ своихъ“.

Что значила эта фраза? На какое *равенство* намекала она? Быть можетъ, составитель манифеста просто вставилъ ее для красоты и торжественности, но она не на шутку встревожила только что успокоившихся дворянъ.

Самъ императоръ Александръ II былъ для нихъ загадкою. Будучи наслѣдникомъ, онъ скорѣе склонялся на сторону крѣпостниковъ. Такъ, онъ содѣйствовалъ уничтоженію закона 8-го ноября 1848 г. (о дозволеніи крѣпостнымъ крестьянамъ выкупаться при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ), а затѣмъ лично поддержалъ депутацію польскихъ помѣщиковъ, когда императоръ Николай I захотѣлъ ввести инвентари въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. Но рядомъ съ этимъ ходили *темные слухи о бесѣдѣ* съ умирающимъ отцомъ, имѣвшей близкое отношеніе къ крестьянскому вопросу *).

Все это волновало крѣпостниковъ и, когда государь по случаю заключенія Парижскаго мира пріѣхалъ въ Москву, глава крѣпостниковъ, московскій генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, попросилъ его „успокоить дворянъ по поводу вызванныхъ манифестомъ „опасныхъ слуховъ“. Это было 30-го марта 1856 г.

Своею просьбою графъ оказалъ дворянамъ „медвѣжью“ услугу. Государь сказалъ имъ рѣчь, но она вмѣсто успокоенія повергла всѣхъ въ ужасъ и заставила радостно встрепенуться лучшія русскія сердца. Государь сказалъ:

„Носятся слухи, что я хочу объявить освобожденіе крѣпостного состоянія. Это несправедливо, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво“...

Лица внимательно слушавшихъ дворянъ просвѣтлѣли, но затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшихъ словъ государя, вытягивались и темнѣли. Онъ продолжалъ:

„Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого, *мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это можетъ случиться*. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною“.

И онъ окончилъ эту знаменитую рѣчь историческою фразою:

„*Слѣдовательно гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу*“.

Столбовое московское дворянство было ошеломлено этою рѣчью, словно *надъ нимъ изъ яснаго неба* ударилъ громъ. Лучшіе люди, сторонники освобожденія, ожили. Нѣсколько часовъ спустя рѣчь государя въ спискахъ уже ходила по рукамъ всей Москвы. Министръ Ланской былъ также пораженъ неожиданностью рѣчи и рѣшился спросить у государя, дѣйствительно ли онъ произнесъ приписываемыя его рѣчи слова, на что государь отвѣтилъ:

— Говорилъ и не сожалѣю о томъ!

*) А. О. Смирновъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что императоръ Николай I на смертномъ одрѣ «взялъ слово» съ сына совершить освобожденіе.

Все это случилось какъ-то стихійно, неожиданно, и съ этого момента еще неясно, но уже начала рисоваться въ отдаленіи желанная свобода. Такъ иногда въ январѣ мѣсяцѣ среди зимнихъ еще морозовъ вдругъ пахнетъ весною.

Товарищу министра внутрен. дѣлъ Левшину приказано было приступить къ секретнѣйшему обзору всего матеріала по крестьянскому вопросу, накопившагося въ министерствѣ въ два предыдущія царствованія, а 1-го января 1857 года былъ учрежденъ секретный комитетъ.

Нельзя сказать, чтобы составъ комитета соотвѣтствовалъ своимъ высокимъ цѣлямъ. Напротивъ, судя по своему составу *), можно было и ему предречь участь николаевскихъ комиссій, но такова воля рока, что онъ сдѣлалъ свое дѣло.

Ненавистную затѣю крѣпостники твердо рѣшили заморить медлительностью и похоронить, какъ рядъ предыдущихъ комитетовъ, и для этой цѣли былъ избранъ государственный секретарь В. П. Бутковъ, постигшій всѣ тайны канцелярской волокиты.

Восемь мѣсяцевъ члены комитета сходились, говорили, составляли протоколы, писали, отписывались, переписывались, а дѣло не двигалось съ мѣста и пріобрѣтало уже характеръ мертворожденнаго, когда государь лично пожелалъ ознакомиться съ ходомъ работъ, возмутился такимъ преступнымъ равнодушіемъ членовъ и назначилъ предсѣдателемъ комитета, вмѣсто гр. Орлова, своего энергичнаго и талантливаго брата Константина Николаевича.

Къ такимъ энергичнымъ дѣйствіямъ его побудилъ прусскій король Вильгельмъ, съ которымъ Александръ II видѣлся въ 1857 г., а также и баронъ Гасттаузенъ, бывшій въ царствованіе императора Николая I въ Россіи и хорошо ознакомившійся съ ея неустройствомъ.

Императоръ Александръ II-й
въ 1855—56 гг.

Члены комитета видимо встрепенулись. Великій князь съ несокрушимою настойчивостью добился того, что былъ выработанъ планъ работъ комитета, по которому дѣятельности комитета не видѣлось и конца. Дѣлопроизводителемъ оставался Бутковъ, и готовился снова плести свои канцелярскія кружева.

И вдругъ на помощь всѣмъ сотрудникамъ освобожденія на Высочайшее имя литовскимъ дворянствомъ было подано прошеніе, въ которомъ

---

*) Предсѣдателемъ былъ предсѣдатель Гос. Совѣта графъ Орловъ, явный сторонникъ крѣпостничества, какъ и члены: министръ двора Адлербергъ, госуд. имущ. Муравьевъ, юстиціи Паниннъ и шефъ жандармовъ Долгоруковъ; равнодушными къ вопросу: мин. пут. сообщ. Шевкинъ, члены Гос. Совѣта бар. Корфъ и Ростовцевъ (будущій поборникъ), и только двое истинно-либеральныхъ и сочувствующихъ задачамъ комитета: министръ вн. дѣлъ Ланской и графъ Блудовъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

они ходатайствовали о разрѣшеніи отпустить своихъ крестьянъ на волю безъ земли *).

Прошеніе перешло на разсмотрѣніе въ комитетъ и въ немъ большинство членовъ высказало полную готовность дать согласіе литовскимъ дворянамъ, но государь выразилъ твердую волю, чтобы крестьяне были отпущены съ усадебною землею и съ отводомъ надѣловъ на правахъ пользованія.

Это рѣшеніе было оформлено и на имя виленскаго губернатора былъ посланъ рескриптъ о созывѣ дворянства для составленія положенія объ улучшеніи быта крестьянъ на указанныхъ въ немъ и въ особомъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ основаніяхъ. Рескриптъ былъ помѣченъ днемъ 20-го ноября 1857 г. и содержалъ въ себѣ знаменательное слово „освобожденіе“.

*) Народъ прозвалъ такую волю «волчьей волею».

Этотъ день историческій, потому что съ него надо считать фактическое начало великому дѣлу, которое явилось самымъ свѣтлымъ въ нашей исторіи.

Но, несмотря на рескриптъ, который могъ остаться тайною двухъ канцелярій—комитета и виленскаго губернатора,—великое дѣло все-таки могло быть задушено, если бы не либеральная партія, во главѣ которой стоялъ великій князь Константинъ Николаевичъ съ великою княгинею Еленой Павловной. Они поняли всю выгоду момента и рѣшили сразу прекратить всѣ колебанія и отрѣзать всякій путь къ отступленію. Средство къ этому было одно: гласность. На ихъ совѣщаніи было рѣшено немедленно разослать этотъ рескриптъ по всѣмъ губерніямъ и сдѣлать его такимъ образомъ общимъ достояніемъ.

Слѣдующій день былъ праздничный, но, несмотря на это, Ланской успѣлъ напечатать рескриптъ въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ и тотчасъ сдалъ ихъ на Николаевскую желѣзную дорогу для немедленной разсылки.

Корабли были сожжены, отступленіе было отрѣзано. Разсылка, а затѣмъ и опубликованіе рескрипта 20-го ноября ставили крестьянскій вопросъ на очередь, требуя неотложнаго рѣшенія, и съ этой цѣлью открыли путь для учрежденія губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по вопросамъ крестьянскаго быта.

Крѣпостники встрепенулись, хотѣли задушить эту гласность, но уже было поздно. Желаніе государя стало драгоцѣннымъ достояніемъ всей честно мыслящей части общества.

Радость, великая радость охватила всю мыслящую Россію. Всѣ понимали, что этотъ рескриптъ — безповоротный шагъ и что заря свободы уже восходитъ надъ отечествомъ.

Рѣчь императора Александра II московскимъ дворянамъ 30-го марта 1856 г.
Рисунокъ Г. Заборовскаго.

Пламенный И. С. Аксаковъ привѣтствовалъ этотъ день стихами:

«День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Пошла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ,
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ,
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ.
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ!
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣснію радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшихъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ свѣтъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ».

Въ Москвѣ по этому поводу былъ устроенъ 28-го декабря банкетъ (первый въ Россіи политическій банкетъ). На немъ присутствовала вся московская интеллигенція безъ различія направленій. Здѣсь професс. Бабстъ назвалъ Александра II-го „Царемъ-Освободителемъ“. Одушевленіе было полное.

Въ такой же степени среди крѣпостниковъ чувствовались растерянность и страхъ.

Но первый моментъ растерянности и страха скоро миновалъ, мѣсто ихъ заступили непримиримая злоба, готовность бороться за свое ужасное право изъ послѣднихъ силъ, и началась борьба, борьба неразная, мрака со свѣтомъ.

Съ одной стороны, рабство защищали все высшее чиновничество, знатное дворянство, богачи и дворъ съ духовенствомъ, съ другой стороны—нападеніе вела небольшая группа честныхъ дѣятелей, поддерживаемая сочувствіемъ передовыхъ людей изъ средняго дворянства, но во главѣ ихъ стояли: великая княгиня Елена Павловна, великій князь Константинъ Николаевичъ и самъ государь.

VI.

Какъ ни была ненавистна крѣпостническому дворянству мысль объ освобожденіи крестьянъ, все же оно хоть для вида должно было откликнуться на призывъ государя. Помимо этого многимъ представлялась возможность затормозить дѣло и наконецъ, въ крайнемъ случаѣ выговорить для себя наивыгоднѣйшія условія. Все это, вмѣстѣ взятое, побудило дворянство устраивать помѣстные комитеты и въ нихъ обсуждать волнующій всѣхъ вопросъ.

Между тѣмъ государь при каждомъ случаѣ подчеркивалъ свое

Великая княгиня Елена Павловна.

Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской.

желаніе и волю покончить съ крѣпостничествомъ.

Дворянство принялось за работу, а въ свою очередь и секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя и неослабнымъ наблюденіемъ государя, долженъ былъ разстаться со своей канцелярской волокитой. Къ тому же и секретность его была уничтожена: онъ былъ пресбразованъ въ Главный Комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предложеній о крѣпостномъ состояніи. Въ это же время уже работали сорокъ четыре губернскихъ комитета да двѣ комиссіи—для Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края.

Составъ комитета обновился притокомъ свѣжихъ силъ въ лицѣ крупнаго знатока крестьянскаго вопроса, начальника земскаго отдѣла Я. А. Соловьева, и умнѣйшаго человѣка Н. А. Милютина, который замѣнилъ товарища министра А. И. Левшина; въ этотъ же моментъ вдругъ своей громадной энергіей и внезапнымъ пламеннымъ сочувствіемъ готовящейся реформѣ выдвинулся равнодушный до этой поры членъ комитета, генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ; съ 1858 г. онъ сталъ ближайшимъ помощникомъ императора Александра II-го, и почти исключительно его вліянію реформа обязана быстротою выполненія и своимъ характеромъ.

Первая дѣятельность комитета, едва только, послѣ рескрипта 20-го ноября 1857 г., выяснилась неотложность реформы, сосредоточилась, какъ это ни покажется страннымъ, на призракахъ страховъ и изысканія средствъ удалить ихъ. Первые вопросы, которые возбудились въ комитетѣ, заключались въ томъ, какъ надо относиться къ освобожденному народу? За немногими исключеніями члены комитета смотрѣли на народъ, какъ на дикаго звѣря, запертаго въ клѣтку. Что онъ сдѣлаетъ, если вдругъ ему объявятъ „волю“,

Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

раскроютъ клѣтку? При этомъ представленіи ужасъ охватывалъ всѣхъ, за очень немногими исключеніями. Почти всѣ были увѣрены, что томившійся такъ долго въ рабствѣ народъ прежде всего устремится „къ мести“ своимъ угнетателямъ. На сторонѣ такъ думавшихъ былъ и Ростовцевъ, къ нимъ же склонялся и государь. Въ цѣляхъ предупрежденія опасности на мѣстахъ, Ростовцевъ выработалъ проектъ о генералъ-губернаторахъ, временно снабженныхъ чрезвычайною властью. Только три человѣка въ комитетѣ держались о народѣ иного мнѣнія: Это—Соловьевъ, Милютинъ и Ланской, который рѣшился даже подать государю особое мнѣніе о проектируемыхъ генералъ-губернаторахъ, чѣмъ вызвалъ на себя временное неудовольствіе императора; но это неудовольствіе было вполнѣ справедливо. Такъ какъ докладъ Ланского не содержалъ ничего положительнаго, а лишь оспаривалъ въ рѣзкой формѣ проектъ Ростовцева.

Въ спорахъ о народѣ и его будущемъ поведеніи, въ изысканіи мѣръ для предупрежденія волненій проходили засѣданія комитета, не принося дѣлу существенной пользы, хотя впрочемъ слѣдуетъ указать, что было издано нѣсколько указовъ относительно льготъ государственнымъ крестьянамъ, а также разосланъ губернскимъ предводителямъ дворянства циркуляръ, имѣвшій цѣлью предупредить обезземеленіе крестьянъ.

Время шло, а страхи не оправдывались. Народъ, благодаря распубликованію рескрипта, узнавшій про „волю“, вдругъ словно замеръ. Число волненій сразу сократилось до ничтожества, расправы съ помѣщиками прекратились, и народъ въ глубокомъ, торжественномъ спокойствіи ждалъ разрѣшенія многовѣковой несправедливости. Поэтъ понялъ душу народа, когда писалъ:

«Все проститъ онъ безъ расчета,—
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ».

Огромное значеніе въ предпринятомъ дѣлѣ имѣло совершенное государемъ путешествіе по Россіи. Онъ лично имѣлъ возможность ознакомиться съ положеніемъ крестьянъ и въ своихъ рѣчахъ дворянамъ указывалъ на необходимость скорѣйшаго рѣшенія вопроса о крѣпостничествѣ, причемъ въ словахъ, обращенныхъ къ московскому дворянству, опредѣленно указалъ, что крестьяне должны быть освобождены съ землею, а не только со строеніями, входящими въ составъ ихъ усадьбъ.

Въ этотъ же періодъ страха предъ народомъ Ростовцевъ ѣздилъ за границу и вдругъ возвратился оттуда сразу прозрѣвшимъ, не знающимъ никакихъ страховъ, яркимъ сторонникомъ быстраго и радикальнаго рѣшенія вопроса.

Эта перемѣна благотворно отразилась на всемъ ходѣ событій. Лихорадочное возбужденіе народа несомнѣнно наблюдалось всюду, но, чтобы оно улеглось, нужны были не жестокія мѣры укрощеній и устрашеній, не диктаторская власть генералъ-губернаторовъ, а быстрое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, т. е. освобожденіе крестьянъ съ землею, при полномъ упраздненіи помѣщичьей власти.

Ростовцевъ прямо указывалъ, что теперь другого исхода нѣтъ, что если теперь о б м а н у т ь н а д е ж д ы народа, то весь гнѣвъ обрушится на помѣщиковъ, которыхъ тогда ничто не спасетъ отъ жестокой расправы.

Государь присоединился къ мнѣнію Ростовцева, и народное дѣло было спасено.

Губернскіе комитеты, хотя медленно и неохотно, но работали, и отчеты засѣданій стали поступать

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.
По литографіи Мюнстера.

съ чувствомъ д о л г а предъ своей совѣстью".

И Ростовцевъ исполнилъ свое великое назначеніе, трудясь до послѣдней минуты своей жизни, которую отдалъ этому святому дѣлу.

Въ составъ комиссій онъ ввелъ такихъ общественныхъ дѣятелей, какъ Юрій Самаринъ и князь В. А. Черкасскій, взялъ изъ комитета Я. А. Соловьева и съ ними составилъ сплоченное ядро редакціонныхъ комиссій, ихъ живой нервъ. Задачею было во что бы то ни стало отстоять надѣленіе крестьянъ землею въ ихъ собственность, выкупъ ея правительствомъ съ постепеннымъ погашеніемъ долга и дарованіе имъ самоуправленія. Въ этой задачѣ ихъ поддерживали великій князь Константинъ Николаевичъ съ великой княгиней Еленой Павловной. Ростовцевъ успѣлъ убѣдить и государя въ необходимости этихъ условій въ центральный комитетъ, требуя разсмотрѣній. Съ этою цѣлью, а также для выработки плана освобожденія и окончательнаго проекта, 4-го марта 1859 г. государемъ были открыты знаменитыя редакціонныя комиссіи, предсѣдателемъ которыхъ былъ назначенъ перерожденный Ростовцевъ. Князь А. Ф. Орловъ привезъ ему увѣдомленіе о высочайшемъ назначеніи на эту должность съ оговоркою государя — „если онъ согласится принять на себя эту обязанность". Ростовцевъ отвѣтилъ на это историческими словами:

„Принимаю на себя не съ согласіемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга — с ъ м о л и т в о ю к ъ Богу, чтобы Онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность государя; съ б л а г о г о в ѣ н і е м ъ к ъ государю, удостоившему меня такого святого призванія; со с т р а х о м ъ предъ Россіей и предъ потомствомъ,

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

и, сильный его поддержкой, облеченный его довѣріемъ, твердо проводилъ задуманныя имъ начала.

Противъ нихъ было все крѣпостническое дворянство, то самое, что сломило желѣзную энергію императора Николая I, и началась борьба: съ одной стороны—*за свободу* и благоденствіе двадцати трехъ милліоновъ порабощенныхъ крестьянъ, съ другой — за матеріальные интересы крѣпостническаго дворянства, стоящаго во главѣ всѣхъ учрежденій, окружающаго тронъ, наполняющаго салоны обѣихъ столицъ.

Редакціонныя комиссіи работали безъ устали; окончивъ обсужденье докладовъ, онѣ приступили къ обсужденью проектовъ совмѣстно съ депутатами; послѣдніе были присланы отъ каждой губерніи, въ количествѣ двухъ человѣкъ (отъ большинства и меньшинства), но были лишены права рѣшающаго голоса и обязаны дѣйствовать по особо выработанной инструкціи.

VII.

Итакъ, дѣло освобожденія подвигалось впередъ.

Крѣпостники сдавали свои позиціи шагъ за шагомъ. Заключенія мѣстныхъ дворянскихъ комитетовъ сводились къ тому, чтобы затянуть по возможности время и даровать волю „постепенно“. Князь Меньшиковъ предлагалъ растянуть реформу на семьдесятъ пять лѣтъ! Многіе проекты предлагали сохранить „барщину“, почти всѣ отказывали крестьянину въ землѣ, и только тверское дворянство шло навстрѣчу желаніямъ правительства.

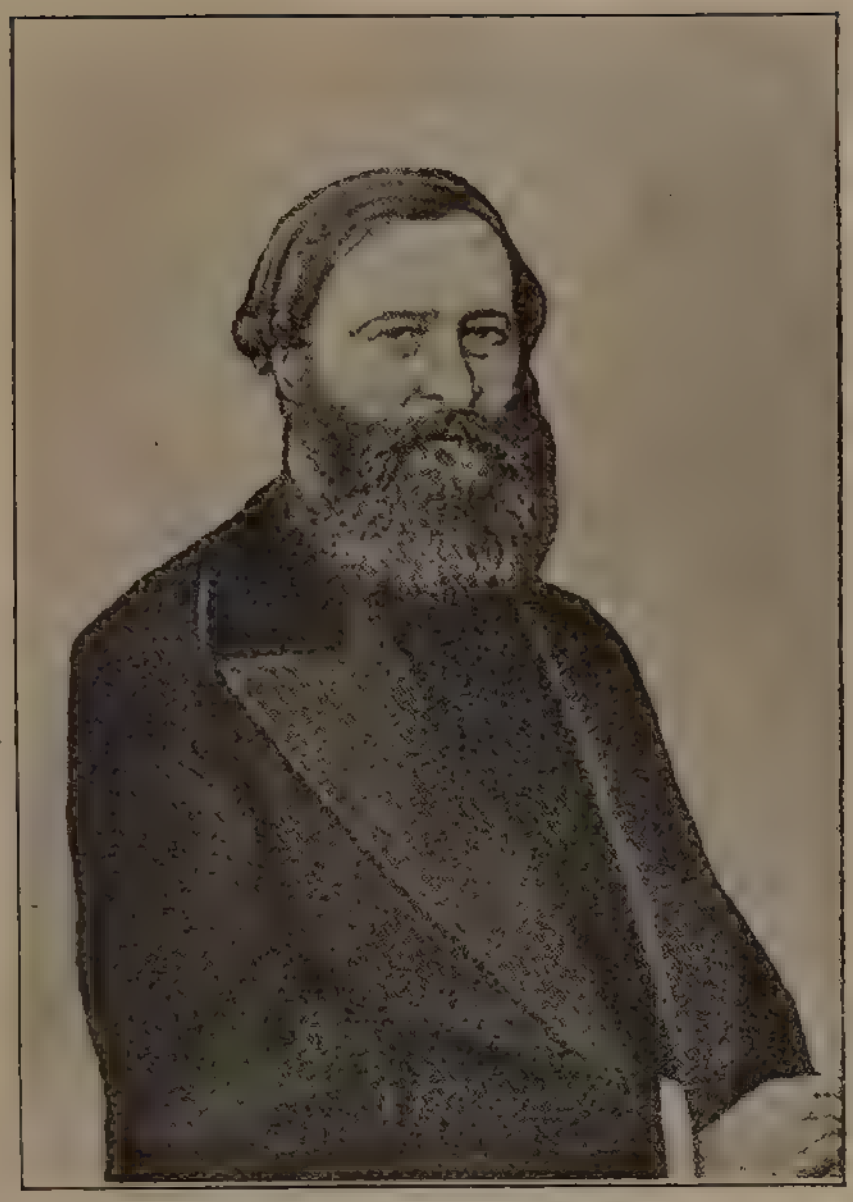
Крѣпостники негодовали и метались. Государь былъ осыпанъ письмами, окружающіе его прибѣгали къ подлой системѣ запугиванія, грозя поголовною рѣзнею. Глава крѣпостниковъ, московскій генералъ-губернаторъ Закревскій, опредѣлилъ даже время—„въ теченіе 1860 г.“. Редакціонныя комиссіи переименовали въ „клубъ якобинцевъ“. Однако государь оставался твердъ и продолжалъ безусловно довѣрять Ростовцеву, который работалъ, не щадя своихъ силъ, совершенно не зная отдыха.

Онъ писалъ записки и проекты, читалъ каждую строку изъ поступившихъ въ комиссію бумагъ, поддерживалъ государя и смѣло грудью принималъ всѣ явныя и тайныя нападки. На него клеветали, его звали „выскочкой“, поминали его страшное прошлое. Наконецъ пылкая, воспріимчивая натура Ростовцева не выдержала такихъ условій работы. Онъ заболѣлъ желчной лихорадкой и слегъ въ постель. Однако, и будучи тяжело больнымъ, онъ продолжалъ работать съ такой же энергіей, дѣлая засѣданія комиссій у себя на дому. Но силы надорвались, и 20-го февраля 1860 г. Ростовцевъ умеръ на рукахъ императора Александра II, до послѣдняго вздоха ободряя его въ его святомъ начинаніи. Его послѣдними словами было:

— Не бойтесь, государь!

Ростовцевъ умеръ, и редакціонная комиссіи словно потеряли свою душу. Тревога охватила всѣ честныя сердца. Крѣпостники торжествовали. Государь снова былъ одинъ, потрясенный потерей, но никто не зналъ, что въ его душѣ еще тверже укрѣпилось намѣреніе довести до конца святое дѣло.

Торжество крѣпостниковъ обратилось въ ликованіе, когда на мѣсто сподвижника Ростовцева предсѣдателемъ комиссій государь назначилъ графа В. Н. Панина, завѣдомаго крѣпостника, рутинера, педантичнаго чиновника, считавшаго лицъ не своего круга простолюдинами, а лицъ низшихъ сословій не признававшаго людьми.



Юрій Федоровичъ Самаринъ.

Великая княгиня Елена Павловна высказала государю свое удивленіе по поводу этого назначенія; на это государь отвѣтилъ ей:

— Вы не знаете графа Панина; сго убѣжденіе—это точное исполненіе моихъ приказаній.

Эти слова очень мѣтко опредѣляютъ ничтожество Панина, но все же такое назначеніе должно казаться страннымъ. Надо думать, что въ ту пору государь уже такъ твердо вѣрилъ въ свои силы, что никакіе Панины не могли помѣшать ему въ исполненіи его обѣта предъ отцомъ.

Графъ Панинъ дѣйствительно являлся образцомъ чиновничьей подлости. Одинъ разъ гр. Бобринскій уклонился отъ подписанія рѣшенія, несогласнаго съ его мнѣніемъ, и заявилъ объ этомъ Панину; на это послѣдній сказалъ:

— Я всю жизнь подписывалъ вещи, несогласныя съ моими убѣжденіями *).

*) Изъ дневн. Валуева. «Русск. Стар.», 1891 г.

И такой человѣкъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссій, въ которыхъ членами состояло немалое количество крѣпостниковъ. Дѣлу народнаго освобожденія грозила серьезная опасность, но очевидно у государя на то было высшее соображеніе и онъ вѣрилъ въ свои силы.

Несомнѣнно, онъ зналъ также, что въ комиссіи засѣдаютъ такіе твердо-убѣжденные люди, какъ Самаринъ и Соловьевъ, Милютинъ и кн. Черкасскій.

Императоръ оказывалъ графу Панину почти то же довѣріе, какое питалъ къ Ростовцеву, но въ то же время повелѣлъ сохранить въ работахъ то же направленіе, какое было положено сначала. Крѣпостники, друзья и единомышленники Панина, напротивъ требовали отъ него разрушенія замысловъ „якобинцевъ“, друзей „Колокола“, „грабителей“, какъ звалъ Муравьевъ членовъ комиссіи.

Что было дѣлать Панину?

Сначала онъ попробовалъ произ-

Я. А. Соловьевъ.

вести существенныя измѣненія въ планахъ Ростовцева, но встрѣтилъ дружный отпоръ лучшихъ людей. Тогда онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ излюбленной системѣ проволочекъ и тормозовъ. Для засѣданія назначались дни, неудобные для большинства членовъ, пренія затягивались изъ-за ничтожныхъ пустяковъ, протоколы уносились на домъ къ Панину и не подписывались по недѣлямъ, въ протоколахъ являлись вдругъ исправленія, любезныя крѣпостникамъ.

Графъ Д. Н. Блудовъ.

Это было раскрыто, и на одномъ засѣданіи Н. А. Милютинъ изобличилъ Панина, отказавшись подписать передѣланный протоколъ.

Панинъ поблѣднѣлъ, затрясся и задыхаясь сказалъ:

— Такъ это, значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мною въ первый разъ въ жизни!

Но по существу опровергнуть Милютина онъ не могъ и только пересталъ подавать ему руку.

Работы редакціонныхъ комиссій стали тормозиться, но это—все, что могъ сдѣлать вреднаго Панинъ.

И вдругъ въ то самое время, когда лучшіе люди уже начали впадать въ уныніе, отъ государя поступило предписаніе, чтобы всѣ работы комиссій были закончены къ октябрю 1860 года.

Для Панина царское слово было закономъ, и онъ, скрѣпя сердце, принялся за ненавистное ему дѣло, насколько могъ добросовѣстно *).

Его отношенія къ членамъ были отвратительны. Засѣданія походили на боевыя схватки. Въ святомъ дѣлѣ освобожденія не было ни любви, ни согласія, и вдобавокъ ко всему Панинъ успѣлъ оговорить предъ государемъ всѣхъ ненавистныхъ ему членовъ комиссій. Закрытіе редакціонныхъ комиссій было угрюмо и холодно.

Самъ Панинъ даже не пріѣхалъ на послѣднее засѣданіе.

С. С. Ланской съ трудомъ исходатайствовалъ у государя аудіенцію для членовъ распущенныхъ комиссій, и государь привѣтствовалъ ихъ очень сухо.

Словно измѣнились всѣ настроенія. Сколько было бодрящей радости, когда полный энергіи и свѣтлыхъ порывовъ Ростовцевъ открывалъ эти комиссіи, и какъ угрюмо, непривѣтно было ихъ закрытіе! Все, чѣмъ можно было омрачить радость грядущихъ дней, все было сдѣлано Панинымъ и его друзьями, и они успѣли даже снова вселить тревогу въ сердце государя наканунѣ великаго дня.

---

*) Въ редакціонныхъ комиссіяхъ онъ не могъ сдѣлать никакой пакости, но потомъ, въ главномъ комитетѣ, все-таки сумѣлъ измѣнить проектъ и поднести Гагаринскій, или такъ называемый «сиротскій», надѣлъ. Крестьяне могли получить отъ помѣщика землю въ даръ, безъ выкупа, но вмѣсто полнаго надѣла только четверть его. Этимъ были разорены очень многіе крестьяне.

Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ.
По литографіи Бореля.

VIII.

Редакціонныя комиссіи были закрыты 10-го октября 1860 года, совершивъ самое главное дѣло. Онѣ выработали проектъ закона, согласно желаніямъ императора Александра II-го и покойнаго Ростовцева, который пожертвовалъ для этого своею жизнью. Члены-крѣпостники, съ Панинымъ во главѣ, оставили засѣданія комиссій полные злобы и желчи; друзья освобожденія — съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, но и тихой скорби. Не было праздничнаго настроенія, чувствовалось недоговоренное, какой-то горькій осадокъ остался у каждаго участника.

Такое же настроеніе чувствовалось во всѣхъ слояхъ общества. Дѣло, наполовину сдѣланное, на время вдругъ окуталось непроницаемой тайной, атмосферой преступности, которую сумѣлъ создать тотъ же Панинъ

Люди, въ рукахъ которыхъ очутилось теперь великое дѣло освобожденія, дѣйствовали, словно заговорщики.

Причиной этому былъ тотъ же страхъ предъ народомъ, пробудившійся теперь съ новою силою. Понятно, эту панику породили и поддерживали тѣ же крѣпостники, до послѣдняго момента думавшіе о томъ, какъ бы отдалить ненавистную имъ реформу.

Но императоръ Александръ II-й, несмотря на то, что взялъ себѣ въ помощники Панина, велъ великое дѣло твердой рукой съ непреклонной настойчивостью.

Работы подвигались. Проектъ комиссій поступилъ на разсмотрѣніе въ главный комитетъ; тамъ, благодаря огромной энергіи предсѣдателя, великаго князя Константина Николаевича, и искусству, съ которымъ онъ руководилъ преніями и устранялъ всѣ препятствія, этотъ проектъ прошелъ почти безъ измѣненій. Разсмотрѣнію проекта было

Графъ В. Н. Панинъ. По литографіи Бореля.

посвящено сорокъ засѣданій комитета, и дѣло было закончено.

Оставалась одна послѣдняя инстанція — Государственный Совѣтъ, члены котораго были исключительно крѣпостниками, крайне недовольными работами комиссій. Надѣленіе крестьянъ землею казалось имъ дѣломъ крайне несправедливымъ.

Государь чувствовалъ опасность съ этой стороны и взялъ лично на себя предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ.

Первое засѣданіе его происходило 26-го января 1861 года. Государь во время доклада громко и радостно высказалъ одобреніе дѣятельности комитета и нѣсколько разъ цѣловалъ великаго князя. Членамъ Совѣта приходилось молчать, тая въ душѣ свою злобу.

28-го января происходило второе засѣданіе, въ которомъ по окончаніи чтенія доклада государь произнесъ замѣчательную по силѣ и по содержанію рѣчь. По свидѣтельству министровъ, никогда государь не говорилъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, такимъ рѣшительнымъ тономъ въ пользу освобожденія крестьянъ. Въ заключеніе онъ пожелалъ, чтобы все дѣло было окончено безъ всякихъ отмѣнъ и проволочекъ непремѣнно къ 15-го февраля, и прибавилъ:

„Этого я желаю, требую, повелѣваю; вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть“.

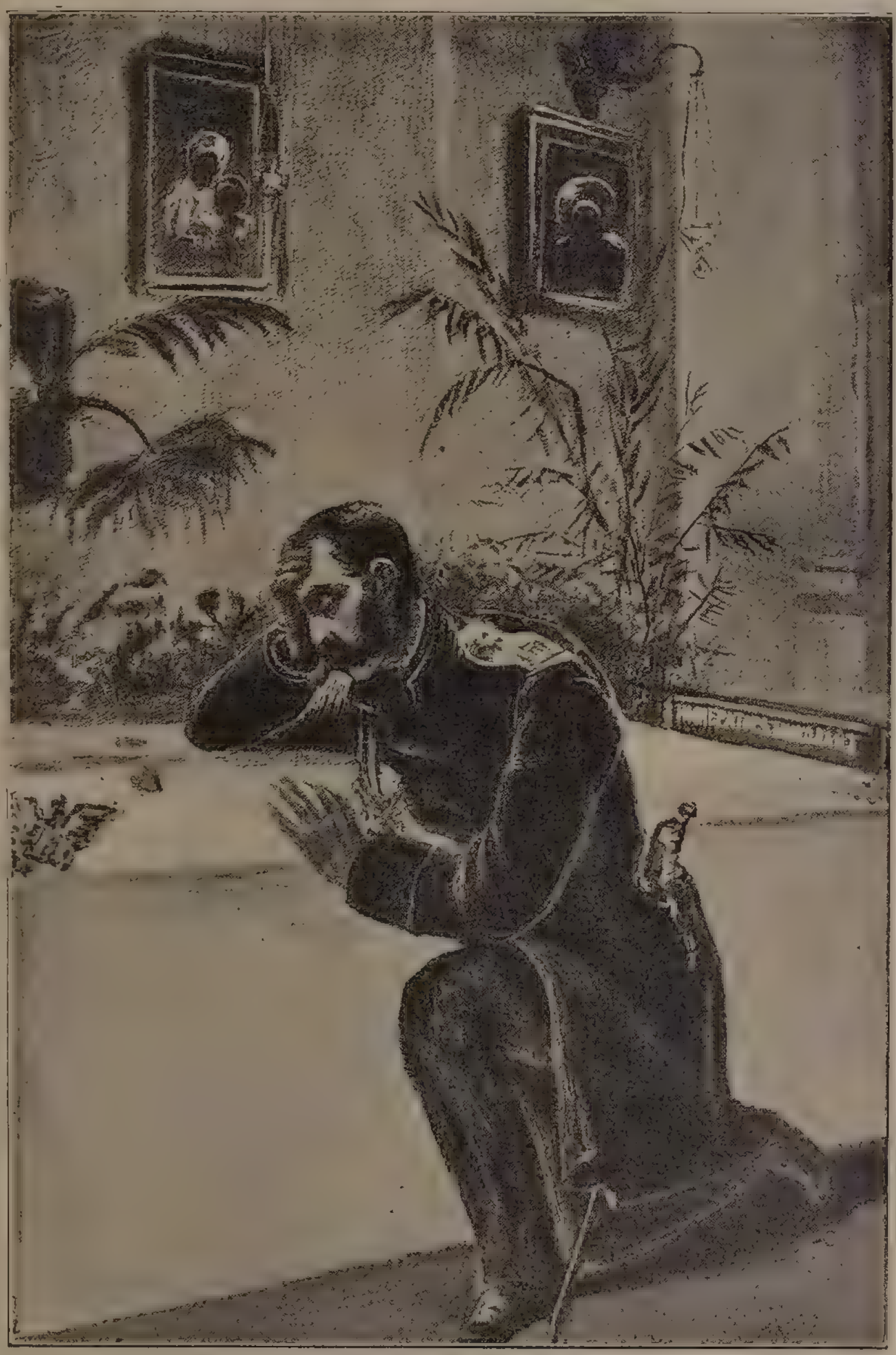
Крѣпостникъ Муравьевъ сдѣлалъ попытку *затормозить быстрый ходъ* дѣла, подъ предлогомъ собранія дополнительныхъ справокъ, но государь вторично напомнилъ срокъ и сталъ на каждое засѣданіе назначать урокъ, безъ котораго Совѣтъ разойтись не могъ. Большинство *членовъ не соглашалось со многими* пунктами проекта; въ такихъ случаяхъ государь присоединялся къ меньшинству, но все-таки при обсужденіи успѣлъ пройти гагаринскій, или иначе „нищенскій“, „сиротскій“ надѣлъ.

Н. П. Дучинскій такъ резюмируетъ законопроектъ объ освобожденіи крестьянства:

Онъ объявилъ помѣщичьихъ крестьянъ лично свободными людьми, признавалъ за помѣщиками право собственности на усадебную осѣдлость и земельныя угодья, которыми крестьяне пользовались до своего освобожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялъ крестьянамъ право постояннаго пользованія усадьбою и отведенными надѣлами за установленные въ пользу помѣщиковъ повинности и платежи. Усадебную осѣдлость крестьяне выкупали по опредѣленной закономъ цѣнѣ, а для выкупа полевыхъ земель и другихъ угодій требовалось согласіе помѣщиковъ. Размѣръ крестьянскихъ надѣловъ оставался прежній, но въ отдѣльныхъ случаяхъ допускались какъ отрѣзки отъ крестьянскаго поземельнаго надѣла, превышающаго опредѣленную норму, такъ и прирѣзки къ нему изъ помѣщичьей земли въ тѣхъ случаяхъ, когда эти надѣлы были меньше нормы. Крестьяне, не выкупившіе своихъ надѣловъ, назывались временнообязанными, а остальные — крестьянами-собственниками.

Для облегченія перехода изъ временнообязанныхъ въ крестьянъ-собственниковъ правительство устраивало возможность выкупа съ разсрочкой платежей для крестьянъ, выкупавшихъ землю, на 49 лѣтъ. Поземельныя и другія отношенія между помѣщиками и крестьянами должны были быть внесены въ уставныя грамоты.

Крестьяне составили сельскія общества, съ сельскимъ сходомъ во главѣ. Нѣсколько смежныхъ обществъ образовали волость, съ волостнымъ



Императоръ Александръ II-й у могилы своего отца наканунѣ 19-го февраля 1861 г. Съ картины Н. Дурново.

сходомъ во главѣ. Казна выдала 750 милльоновъ рублей для облегченія выкупа крестьянъ. Въ пользованіе народа поступило около ста двадцати милльоновъ рублей. Домъ и дворъ каждаго крестьянина и все, что у него было, принадлежало ему самому.

Обрабатывая землю, имѣя другіе заработки, крестьяне пользуются плодами своихъ трудовъ для семьи, для себя, для общества. Они получаютъ всѣ личныя права, семейныя, право производить торговлю, открывать и содержать фабрики, промышленныя и ремесленныя заведенія, заниматься подрядами, записываться въ гильдіи. Могутъ они воспитывать своихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ. Ихъ дѣтямъ открыта дорога ко всякой службѣ.

Къ 17-го февраля разсмотрѣніе проекта было окончено, а 18-го февраля императоръ отправился въ царскую усыпальницу и тамъ молился у могилы своего отца.

19-го февраля 1861 года государственный секретарь В. Н. Бутковъ повезъ въ Зимній дворецъ проекты манифеста и указы сенату.

Этотъ манифестъ былъ сначала составленъ Самаринымъ и Милютинымъ, но онъ не понравился Панину, и по его докладу составленіе его было высочайше возложено на московскаго митрополита Филарета. Будучи противникомъ освобожденія крестьянъ, митрополитъ сначала отказался отъ этого порученія, но потомъ долженъ былъ взять его на себя. Сокративъ и исправивъ въ достаточной мѣрѣ проектъ Милютина и Самарина, онъ между прочимъ выбросилъ изъ него мѣсто, въ которомъ о днѣ объявленія воли было выражено: „сей радостный для насъ и для всѣхъ вѣрноподданныхъ день“.

Митрополитъ Филаретъ не нашелъ его „радостнымъ“.

IX.

Чѣмъ ближе подходила великая минута, тѣмъ растерянѣе становились помѣщики и рядомъ съ этимъ въ нихъ пробуждалась небывалая жадность.

Съ одной стороны, тутъ былъ чисто животный страхъ за свою жизнь, за свое спокойствіе; злые и жестокіе отлично знали число своихъ жертвъ; наиболѣе порядочные отлично знали, что дѣлали ихъ сосѣди,— и тѣ, и другіе не могли представить себѣ народъ иначе, какъ мстящимъ за свое пережитое.

Имъ казалось, что до сихъ поръ только „страхъ“ сдерживалъ огромную массу крѣпостного народа и что съ объявленіемъ воли исчезнетъ этотъ „спасительный страхъ“.

Въ виду этого помѣщики массами стремились за границу. Какіе размѣры приняло это повальное бѣгство, можно видѣть изъ того, что въ одну вторую половину 1857 г. петербургскимъ банкиромъ, барономъ Штиглицемъ, переведено за границу бѣжавшимъ помѣщикамъ свыше сорока милльоновъ рублей, что дало ему свыше ста тысячъ однѣхъ комиссіонныхъ.

Съ другой стороны, среди помѣщиковъ ясно была видна жадность, охватившая всѣхъ. Они чувствовали, что что-то теряютъ, и стремились вполнѣ использовать это „что-то“.

Этимъ „что-то“ было: во-первыхъ живые люди, во-вторыхъ — земля. Первыхъ они теряли невозвратно; исчезалъ источникъ неизсякаемаго дохода—безплатный трудъ; вторую, т. е. землю, они теряли только отчасти: отпускаемымъ на волю они должны были выдѣлить землю за вознагражденіе отъ казны. И вотъ, по мѣрѣ приближенія роковой минуты, несмотря на охватывавшій ихъ страхъ, помѣщики устремились на добычу, испытуя безмѣрное тер-

пѣніе мужика. Они закабаливали крестьянъ на фабрики, увеличивали подушныя и барщину, прижимали рекрутскимъ выкупомъ. Такихъ случаевъ можно насчитать массу.

Князь А. Ф. Орловъ, первый предсѣдатель секретнаго комитета, занимался спѣшнымъ закладомъ своихъ и своей жены имѣній съ „душами“ въ опекунскомъ совѣтѣ, и слѣдомъ за нимъ стремились и другіе помѣщики. Наканунѣ реформы это было выгодной аферой!

Другіе помѣщики торопливо отпускали своихъ людей на волю въ прямомъ расчетѣ, что тогда земля останется при нихъ.

Рядомъ съ этимъ безобразные самодуры увеличивали свои глумленія и издѣвательства надъ дворовыми и, по выраженію Салтыкова, „крѣпостные Сеньки лизали горячія печки для увеселенія гостей помѣщика“.

А въ то время, когда такъ унизительно, позорно вело себя дворянство, которому благородное велико-

Митрополитъ Филаретъ.

Перо, которымъ императоръ Александръ II-й подписалъ манифестъ 19-го февраля 1861 г.

душіе императора Александра II старалось приписать починъ святого дѣла,—закрѣпощенные крестьяне во всемъ своемъ многомилльонномъ количествѣ, словно по безмолвному уговору, выказали такіе тактъ и самообладаніе, которые являютъ едва ли не единственный примѣръ во всемірной исторіи. Въ сосредоточенномъ безмолвіи они до послѣдняго дня спокойно несли свою долю. Ни претеста, ни ропота, ничего, кромѣ терпѣливаго ожиданія! Въ этомъ стихійно-грозномъ, терпѣливомъ ожиданіи болѣе всего сказа-

лась мощь русскаго народа. И такой колоссъ предъ такимъ пигмеемъ, какъ кучка растерявшихся дворянъ, могъ ли думать о мести и о томъ ли были его затаенныя мечты.

Великій моментъ переживалъ русскій народъ послѣ тяжкаго позорнаго рабства, и не о потѣхѣ думалъ онъ въ то время, который въ своей жизни такъ много „пережилъ и перемогъ“.

Еленевъ пишетъ объ этомъ времени кануна свободы и состояніи народа: „Это были незабвенныя минуты въ русской исторіи, подобныя тѣмъ, когда въ ночь предъ пасхальной заутреней русскій народъ въ благоговѣйномъ ожиданіи и безмолвіи ждетъ удара колокола и первыхъ звуковъ священной пѣсни воскресенья“.

X.

Таково было настроеніе народа, но государь, окруженный перепуганнымъ дворянствомъ, не зналъ его и только смутно чувствовалъ своей великой душою. То же, что старались показать ему, было призраками позорнаго и преступнаго страха.

Въ великій день 19-го февраля В. Н. Бутковъ привезъ государю въ Зимній дворецъ манифестъ и указъ. Быть можетъ, онъ мечталъ увидѣть своими глазами торжественное мгновеніе подписанія, но это не удалось ему. Въ эту великую минуту своей жизни и жизни Россіи государь пожелалъ остаться одинъ. Предъ нимъ лежалъ великій актъ, озарившій немеркнущимъ свѣтомъ все его царствованіе. Теперь только росчеркъ пера долженъ былъ довершить начатое и свершенное. Свобода порабощеннаго народа, свобода двадцати трехъ милльоновъ рабовъ. Развѣ это не прекрасно?!

И тутъ же явились призраки страховъ. Вдругъ этотъ росчеркъ окажется преждевременнымъ, роковымъ и Россія, на всемъ протяженіи, зальется кровью, озарится заревомъ пожаровъ. Развѣ это—не ужасъ? И только одинъ онъ долженъ былъ рѣшить это и сдернуть завѣсу съ будущаго. Великій моментъ!

Однако добрыя чувства и вѣра въ свой народъ побѣдили сомнѣнія въ великомъ сердцѣ и въ трогательномъ волненіи государь историческимъ гусинымъ перомъ *) подписалъ манифестъ 19-го февраля 1861 года.

На другой день манифестъ былъ пересланъ въ Государственный Совѣтъ.

Съ этого момента Александръ II сталъ Освободителемъ.

Свершилось великое. Позорное рабство кончилось. Двадцать три милльона крѣпостныхъ стали свободными людьми.

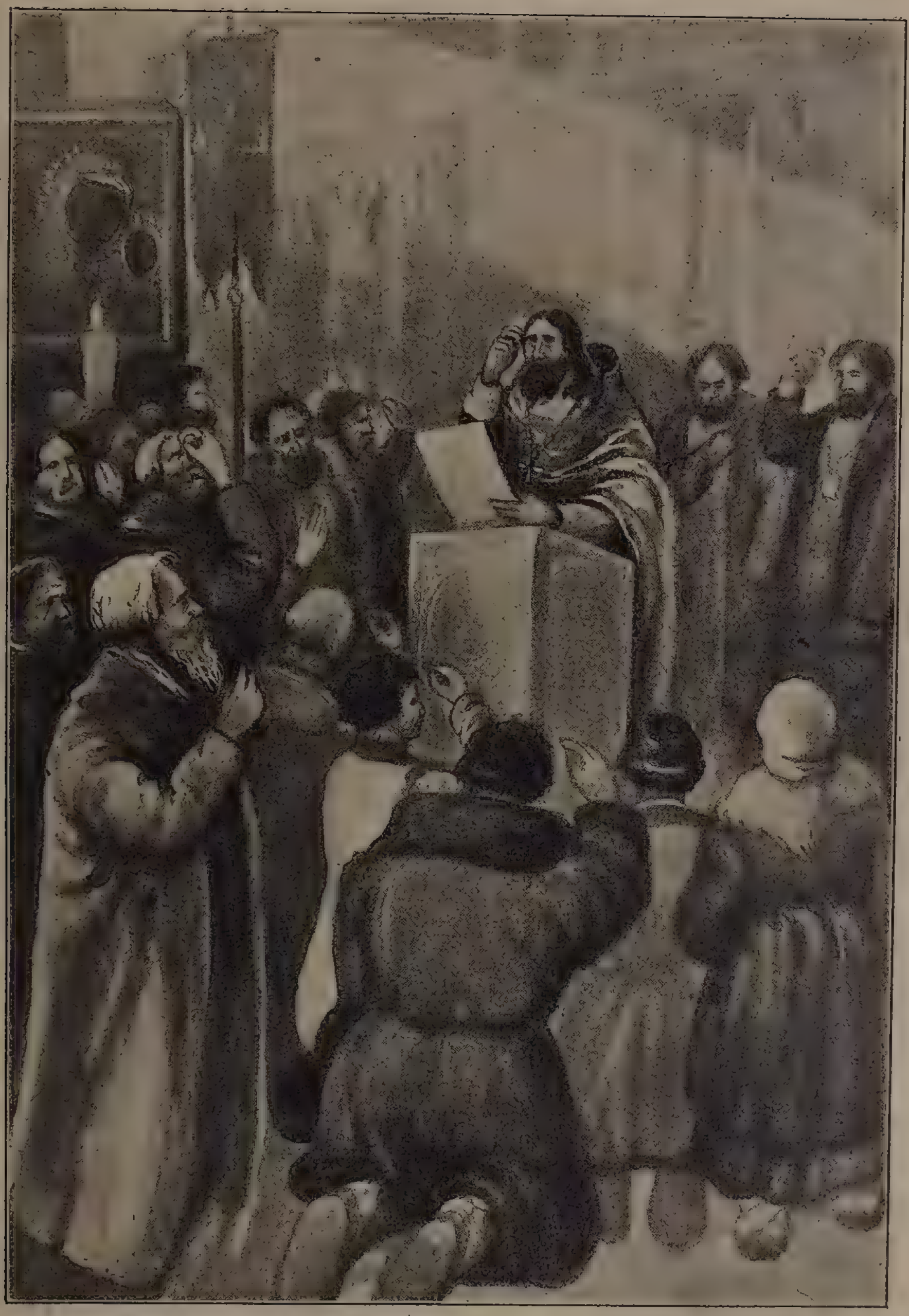
Надо оглянуться на прошлое и мысленно прослѣдить исторію трехвѣкового закрѣпощенія, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого момента.

Но эта радостная вѣсть до поры до времени составляла еще „государственную тайну“. Такъ страстно, такъ нетерпѣливо ожидаемый день 19-го февраля принесъ народу разочарованіе.

Всѣ были настроены услышать радостную вѣсть.

Знаменитая рѣчь государя въ Государственномъ Совѣтѣ, произнесенная 28-го января, въ искаженномъ видѣ дошла до слуха народа. Тамъ говорили, что царь пригрозилъ дворянамъ не прятать воли отъ народа, которую онъ далъ. Помѣщичьи крестьяне искали видѣть своего заступника и дѣлали ему восторженныя оваціи. Такъ, въ первыхъ числахъ февраля они окружили государя на Дворцовой набережной, осыпая благословеніями, стремясь поцѣловать край его одежды, и онъ

*) Это перо хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.



Чтеніе манифеста 19-го февраля 1861 г. въ сельской церкви.
Рисунокъ Г. Заборовскаго.

принужденъ былъ взять саши, чтобы уѣхать изъ толпы. Въ другой разъ у крыльца Зимняго дворца толпа народа при видѣ государя безмолвно опустилась на колѣна, выражая свои сердечныя чувства.

Всѣ трепетно ждали великаго дня, и онъ прошелъ, не принеся народу желанной вѣсти.

Неизвѣстно откуда распространились слухи, что „воля“ на время отлагается; въ народѣ заговорили, что его обманываютъ, что помѣщики „спрятали волю“. Появился слухъ, что ждутъ „Горибалдова“ *), который дастъ свободу.

Въ столицѣ почувствовалось тревожное, напряженное настроеніе.

Между тѣмъ въ дѣйствительности „объявить волю“ тотчасъ было невозможно. Надо было отпечатать манифестъ и „Положеніе о крестьянахъ“ въ большомъ количествѣ экземпляровъ, а это были цѣлыя книги.

Въ тотъ же день, 19-го февраля, было приступлено къ печатанью въ четырехъ типографіяхъ, причемъ наборъ производился въ типографіи II-го отдѣленія. Работали день и ночь и закончили печатанье только къ 28-го февраля.

Какъ ни строго соблюдалась тайна, слухъ о печатаньѣ „воли“ проникъ въ народъ и снова радостно взволновалъ его. Проговорился одинъ изъ наборщиковъ, несмотря на угрозу ссылкою въ Сибирь. И, быть можетъ, ему обязанъ Петербургъ спокойствіемъ: Хранить въ строжайшей тайнѣ такого значенія событіе было опасной игрой.

Въ народѣ распространили слухъ, что объявленіе воли назначено на первые дни Великаго поста, тогда какъ его назначили на послѣдній день масленицы, 5-е марта.

Шли дѣятельныя приготовленія. Въ провинцію высылались свитскіе генералы и флигель-адъютанты съ приказаніемъ состоять при губернаторахъ и способствовать скорѣйшему объявленію манифеста.

2-го марта въ общемъ собраніи сената былъ прочитанъ манифестъ 19-го февраля и сенатъ подалъ государю благодарственный адресъ.

Время приближалось. Шелъ масленичный разгулъ; откупщики запаслись водкой въ усиленныхъ количествахъ. Военный генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ Игнатьевъ 4-го марта разослалъ по полкамъ инструкціи съ обозначеніемъ, какіе полки въ какія полицейскія части города слѣдуетъ отрядить; полкамъ было велѣно въ день 5-го марта быть въ боевой готовности; городовые были вооружены пистолетами; самъ Игнатьевъ намѣревался въ день 5-го марта безотлучно находиться въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ сферахъ правящихъ и въ средѣ лицъ власть имѣющихъ готовились къ великому дню объявленія свободы, какъ къ грозному дню народнаго возстанія.

XI.

Наступилъ великій день 5-го марта.

Это былъ послѣдній день масленицы, такъ называемый „прощеный“ день, и, быть можетъ, не безъ намѣренія на этомъ днѣ былъ остановленъ выборъ.

По свидѣтельству современниковъ, день былъ ясный и теплый, одинъ изъ тѣхъ, которые выпадаютъ на долю Петербурга въ началѣ весны.

Народъ не былъ подготовленъ къ объявленію воли и, справляя по обычаю прощеный день, собрался въ церквахъ, готовясь послѣ обѣдни шумно проводить масленицу.

Но его ожидалъ великій праздникъ, такъ долго и терпѣливо ждаиная „воля“.

---

*) Т. е. Гарибальди.

Чтеніе манифеста 19-го февраля 1861 г. крестьянами. Съ картины Г. Г. Мясоѣдова. (Третьяковская галлерея.)

Высшіе сановники и придворные чины собрались утромъ въ Зимнемъ дворцѣ, ожидая выхода государя. Лица всѣхъ выражали тревогу, нервы были напряжены до крайности.

Но тревога была напрасна.

Народъ оправдалъ довѣріе царя и встрѣтилъ благую вѣсть не буйствомъ и разбоемъ, а съ чувствомъ благоговѣнія и умиленія.

Долгое, утомительно-монотонное чтеніе манифеста, написаннаго витіевато и запутанно, утомило вниманіе и какъ бы затуманило головы, но, когда раздался голосъ съ амвона, произносящій торжественныя слова: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“, — всѣ, какъ одинъ человѣкъ, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ и вздохъ облегченія пронесся подъ сводами храмовъ.

Это была неповторяемая минута; всѣ поняли, что наконецъ пришла желанная воля, что царь снялъ съ народа тягостныя оковы и исцѣлилъ родину отъ тяжелаго недуга рабства. Въ благоговѣйномъ молчаніи, съ просвѣтленными лицами, народъ чинно выходилъ изъ храмовъ и растекался по улицамъ, гдѣ на углахъ также былъ расклеенъ манифестъ, эта хартія русской свободы.

Полиціи было меньше дѣла, чѣмъ въ предыдущіе дни масленицы, а войскамъ и совершенно не было работы. Но тамъ, гдѣ толпа встрѣчала государя, сдержать взрывъ энтузіазма и восторга не было возможности.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Г. Д. Щербачевъ записалъ:

„Было два часа пополудни; на Царицыномъ лугу было гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики „ура“! Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, крики „ура“ становились все громче и громче; наконецъ, когда государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое „ура“, отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя“.

Еще большій взрывъ восторга былъ около Михайловскаго манежа, гдѣ государь самъ прочиталъ манифестъ 19-го февраля.

Нѣкоторые изъ современниковъ съ горечью восклицаютъ, что для полнаго торжества и сіянія этого дня не хватало великихъ борцовъ за право народа: вдохновеннаго Пушкина, пламеннаго Бѣлинскаго, а рядомъ съ государемъ—Ростовцева...

Самъ государь въ этотъ день, сіяя радостью, сказалъ окружающимъ:

— Сегодня лучшій день моей жизни!

А. В. Никитенко *) въ своемъ дневникѣ такъ описываетъ этотъ незабвенный день:

„Великій день! Манифестъ о свободѣ крестьянъ мнѣ принесли около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей и дѣтямъ въ кабинетѣ предъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему на вѣки въ своемъ сердцѣ 5-е марта и имя Александра II Освободителя. Я не могъ усидѣть

*) А. В. Никитенко раньше былъ крѣпостнымъ гр. Шереметева.

Императоръ Александръ II у Михайловскаго манежа 5-го марта 1861 г.
Рисунокъ М. Андреева.

дома. Мнѣ захотѣлось выдти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ были наклеены объявленія отъ генералъ-губернатора и возлѣ каждаго толпились кучки народа. Одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя... Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ *).

„— Христосъ Воскресе!—сказалъ я ему.

„—Воистину Воскресе!—отвѣтилъ онъ и мы взаимно передали другъ другу нашу радость.

„Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанское и мы выпили по бокалу въ честь Александра II“.

Такъ торжественно, свѣтло и радостно привѣтствовала этотъ день русская интеллигенція.

Народъ былъ такъ же торжественъ. Не только не было „бунта“, но даже не было того, что на полицейскомъ языкѣ называется „нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія“.

Расчеты откупщиковъ совершенно не оправдались. Въ этотъ день народъ, словно по взаимному уговору, совершенно отказался отъ вина и откупщики не успѣли даже выручить сумму, обычную для масленицы.

Такъ прошелъ великій день 5-го марта въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ генералъ-губернаторъ Закревскій, твердо увѣренный въ „непремѣнномъ бунтѣ“, принялъ всѣ предосторожности къ тому, чтобы омрачить великій день объявленія воли для московскихъ жителей, и отчасти успѣлъ въ этомъ. Полиція была вооружена, дворникамъ приказано было находиться при своихъ дворахъ, по городу ходили и ѣздили конные патрули. Благодаря всему этому народа на улицахъ было мало.

Въ церквахъ былъ прочитанъ манифестъ, но толпа выслушала его молча и, расходясь изъ церквей, не выразила ничѣмъ своей радости.

По улицамъ, на углахъ, на площадяхъ, купцы и студенты громко читали манифестъ. Вокругъ нихъ собирались кучки народа, внимательно слушали и уходили, давая мѣсто другимъ.

Того же 5-го марта въ 9 час. вечера изъ Петербурга по телеграфу понеслась вѣсть о волѣ по всей необъятной Россіи.

По полученіи телеграммы въ губернскихъ городахъ тотчасъ прочитывали манифестъ въ церкви, а флигель-адъютанты везли его по имѣніямъ. Въ каждой деревнѣ созывался сходъ и флигель-адъютантъ, объявляя о волѣ, передавалъ два одинаковыхъ пакета съ манифестомъ и положеніемъ—одинъ сходу, другой помѣщику.

Вмѣстѣ съ весеннимъ солнцемъ шла радостная вѣсть по Россіи изъ конца въ конецъ. 7-го марта она была объявлена во Владимірѣ и Рязани, а 2-го апрѣля—въ Кишиневѣ.

Въ Петербургѣ съ тревогою ждали вѣстей изъ провинціи, но въ концѣ апрѣля стали поступать донесенія губернаторовъ съ сообщеніями, что объявленіе воли было всюду встрѣчено народомъ спокойно.

XII.

Рабство пало. Двадцать три милльона рабовъ стали свободными людьми. И вся эта великая реформа была совершена всего въ шесть лѣтъ волею одного человѣка.

Великое дѣло совершилось.

Старый строй рухнулъ, правовыя отношенія измѣнились и обновленную Россію ждали новыя благодѣтельныя реформы.

*) Ученый, извѣстный составитель хрестоматіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

I.

Вчерашній рабъ сталъ уже свободнымъ человѣкомъ. Требованія общественной морали сразу повысились; общественная совѣсть стала болѣе чуткой, общественное самосознаніе яснѣе. То, что было нормальнымъ при крѣпостномъ правѣ, теперь уже возмущало всѣ чувства.

На первомъ планѣ, какъ вопіющая несообразность, какъ позорнѣйшее изъ явленій общественной жизни представлялись тѣлесныя наказанія русскаго карательнаго законодательства.

Опять таки ко времени кончины императора Николая I жестокость разсыпаемыхъ наказаній, казалось, дошла до своего предѣла. Во всѣхъ концахъ необъятной Россіи драли, били, сѣкли. Работалъ кнутъ, гулко раздавались удары шпицрутенами, свистѣли розги.

Когда читаешь о томъ времени, становится страшно за человѣка. Какъ же было тяжело жить! И эта тяжесть стала невыносимой, едва рухнуло крѣпостное право—эта основа всѣхъ несправедливоттей.

Терпѣть далѣе стало невозможно, и слѣдомъ за крестьянской императоръ Александръ II совершилъ новую реформу, еще болѣе увеличившую сіяніе его славы, какъ освободителя и человѣколюбца.

II.

Развитіе жестокости на Руси, въ связи съ развитіемъ тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, имѣетъ свою исторію.

Какъ крѣпостное право, такъ и тѣлесныя наказанія, и смертная казнь въ Россіи появились позднѣе всѣхъ другихъ государствъ Европы. Не въ нашихъ нравахъ жестокость — и она была привита намъ, какъ дурная болѣзнь, со стороны.

Отвратительный кнутъ и всѣ его дальнѣйшія разновидности несомнѣнно принесены въ Россію татарами. Кнутъ и батоги появились вмѣстѣ съ ними. У русскихъ древнихъ богатырей были „плеточки шелковыя“, но нигдѣ ни раза не упомянуто, чтобы богатырь билъ ими кого либо, кромѣ своего коня. О кнутѣ же нѣтъ и помина.

Первая смертная казнь, совершенная въ Россіи отсѣченіемъ головы, относится къ 1375 году. Въ легендарномъ упоминаніи о возстаніи Вадима въ Новгородѣ Рюрикъ убиваетъ его топоромъ, но это—не казнь, а убійство въ дракѣ. При кіевскомъ князѣ Владимірѣ (до крещенія) убиваютъ двухъ христіанъ, но это — народная расправа.

„Русская правда“ Ярослава Мудраго — наше первое законодательство—признавала только штрафную систему за всякое преступленіе и даже за убійство; этотъ штрафъ назывался „вирой“.

Такъ держалось до прихода татаръ, а съ ихъ приходомъ удѣльные князья уже начали примѣнять кнуты, батоги, смертную казнь. Въ дальнѣйшемъ эта система возмездія развивалась все болѣе, и судебникъ Іоанна IV-го уже содержитъ въ себѣ случаи, за которые слѣдуютъ смертная казнь и частичное увѣчье. Рядомъ съ этимъ развивались сыскъ, допросъ съ пристрастіемъ, страшный застѣнокъ.

При царѣ Іоаннѣ Грозномъ мы

уже знаемъ дѣятельность этого учрежденія во всемъ его кровавомъ ужасѣ съ Малютою Скуратовымъ во главѣ.

Пытки и казни въ самыхъ мучительныхъ формахъ нашли широкое примѣненіе въ истребленіи крамолы.

Ужасный правежъ былъ уже извѣстенъ со времени татарскаго ига. Въ казняхъ во время Іоанна Грознаго не встрѣчаются только сожженіе и четвертованіе, жестокости же доходятъ до утонченностей, особенно на допросахъ, гдѣ старались и Малюта Скуратовъ, и Басманный съ заплечными мастерами.

Время Бориса Годунова — тоже страшное время. Чувствуя себя временнымъ властителемъ, сознавая, что его роду трудно удержать тронъ, опираясь на древность, Годуновъ всюду видѣлъ измѣну, предательство и нещадно преслѣдовалъ всякій боярскій родъ, чѣмъ либо доблестный или любимый народомъ. Такъ, въ его царствованіе жестоко пострадалъ родъ Романовыхъ. При немъ же получило свое страшное значеніе „слово и дѣло“, которое много позднѣе снова стало бичемъ для населенія—при Петрѣ I-мъ и, еще позднѣе, при Биронѣ.

Смутное время полно жестокостей. Но всѣ эти жестокости, казни и пытки, какъ онѣ ни были кровавы и мучительны, не имѣли, такъ сказать, утвержденнаго характера. Такой характеръ онѣ получили только со времени царствованія Алексѣя Михайловича Тишайшаго, когда имъ было издано уложеніе. Только съ этого времени и можно разсматривать и казни, и тѣлесныя наказанія, какъ акты правосудія, и слѣдить за историческимъ ходомъ ихъ развитія.

III.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 года поражаетъ своею жестокостью. Наказаніе „смертью казнить“ назначается чуть не за самые пустяки; затѣмъ—„бить кнутомъ“, „битье кнутомъ на козлѣ“, „битье кнутомъ нещадно, чтобы другимъ повадно не было“, „битье кнутомъ на торгу“, „битье батогами“ и т. д. Въ этомъ уложеніи уже встрѣчаются опредѣленныя наказанія за поступки: за воровство—руку рубятъ, за табакъ—носъ рѣжутъ, за рѣчи богохульныя и противъ царя—языкъ рѣжутъ; рвутъ ноздри, рубятъ пальцы. Въ общемъ тѣлесныя наказанія охватывали болѣе ста случаевъ. Смертная казнь присуждалась болѣе нежели въ шестидесяти случаяхъ.

Самый способъ смертной казни не указывается въ уложеніи, но практикой палачей установлено отсѣченіе головы на плахѣ, а въ массовыхъ случаяхъ—повѣшеніе.

Въ числѣ смертныхъ казней существовали и четвертованіе, и колесованіе, и сажаніе на колъ. Эти роды казней въ обиліи примѣнилъ Петръ I-й при своей расправѣ со стрѣльцами.

Само уложеніе, какъ законодательство, исходило изъ мысли о возмездіи и устрашеніи. Поэтому оно и кажется столь жестокимъ.

Жизнь цѣнилась дешево, палачи были въ почетѣ, смерть и мученія никого не удивляли.

Жестокія казни происходили въ Россіи совсѣмъ попросту. Казнили въ Москвѣ на всѣхъ площадяхъ и предъ приказами. Ставили помостъ, а иногда и просто плаху, и рубили голову. Народъ смотрѣлъ или проходилъ мимо, совершенно безучастно. Только въ исключительныхъ случаяхъ казни обставлялись торжественно и тогда происходили на Красной площади въ присутствіи самого царя.

Такъ же просто, „по-семейному“, происходили и торговыя казни, т. е.

тѣлесныя наказанія. Совершались онѣ ежедневно на какой либо площади и никого не дивили.

Всѣ эти битья кнутомъ и просто, и нещадно, и на козлѣ, и на торгу, и въ проводку—въ сущности это были ужасныя наказанія.

Кнутъ состоялъ изъ трехъ частей: толстой рукоятки въ 8—9 вершковъ длины, плетенаго ремня вершковъ въ шестнадцать и самой страшной его части: наконечника. Это былъ бѣлый сыромятный ремень длиною въ 13 вершковъ, шириною въ три четверти вершка, твердый, какъ кость, съ заостреннымъ кончикомъ и согнутый желобкомъ. Сила отъ его удара была такова, что этотъ хвостъ пробивалъ мясо до костей и вырывалъ полосы по всей длинѣ. Послѣ 6—8 ударовъ хвостъ размокалъ отъ крови и его мѣняли на свѣжій. Палачъ билъ медленно. Онъ собиралъ кнутъ въ руку, отходилъ шага на три и, крикнувъ: „Берегись, ожгу!“—распускалъ кнутъ и наносилъ ударъ съ прискока. При такомъ способѣ въ часъ наносилось не болѣе 20 ударовъ и случалось, что иная казнь длилась цѣлый день.

Обыкновенно казнимаго помощникъ палача взваливалъ себѣ на плечо, обнажая его спину и выгибая ее горбомъ; козелъ же — это былъ родъ станка. Казнь на ходу совершалась такъ: два помощника палача держали за концы толстую палку, къ которой былъ привязанъ казнимый, и медленно шли по базарной площади, а палачъ шелъ сзади и съ прискокомъ наносилъ свои удары.

Палачъ въ ту пору былъ въ уваженіи, хотя его всѣ и чурались. Въ красной рубахѣ, полупьяный, наглый онъ нравился грубой толпѣ. Родственники казнимаго заискивали въ немъ и дарили его. Отъ него, какъ отъ мастера своего дѣла, много зависѣло. Онъ могъ убить кнутомъ съ трехъ-четырехъ ударовъ, могъ безболѣзненно нанести и пятьдесятъ, и сто, могъ искалѣчить съ одной пытки и могъ „пожалѣть“.

Кромѣ этихъ казней кнутомъ, были еще наказанія батогами, т. е. короткими палками, и шелепами, т. е. небольшими холщевыми палками, наполненными мокрымъ пескомъ. Наконецъ былъ въ ходу обычный татарскій способъ взысканія долга—выставленіе на правежъ.

На правежъ выводили людей, за которыми числились долгъ или недоимка. Эти деньги съ нихъ „выправляли“. Для этого ихъ выводили на базарную площадь и, положивъ на землю, били палками по ногамъ. Это битье продолжалось изо дня въ день, пока не уплачивались деньги.

Намъ трудно представить себѣ это отдаленное время. Рубили головы, люди корчились, будучи подвѣшены за ребра, посажены на колъ; люди мучились подъ колесомъ или заживо зарытые, а здоровые и свободные спокойно проходили мимо, не думая, что завтра можетъ настать ихъ чередъ.

По городамъ, по большимъ дорогамъ на каждомъ шагу можно было встрѣтить людей съ обрѣзанными ушами, носами, губами, съ вырваннымъ языкомъ, съ отрубленными пальцами или цѣлой рукою.

Ужасное, кровавое время!..

И еще большіе ужасы творились въ то время по застѣнкамъ, гдѣ у палачей никогда не было недостатка въ работѣ.

Пытали и мучили въ разбойномъ приказѣ, въ приказѣ Малой чети, Большой чети, въ Аптекарскомъ, въ страшной Тайницкой башнѣ.

Пытали и мучили за дѣла разбойныя, за дѣла татебныя (воровскія), за ворожбу, колдовство, но больше всего по оговорамъ о зломъ умыслѣ на здоровье царя.

Застѣнокъ и орудія пытокъ отличались своею простотой, но совершенно не уступали Западу въ жестокости.

На Западѣ была страшная „Нюренбергская дѣва“. Раскрывалась металлическая фигура женщины, внутри которой были вставлены ножи, въ нее вводился несчастный и фигуру закрывали, пронзая тѣло жертвы ножами. Въ Россіи попросту клали доску, утыканную гвоздями вверхъ, на нее накладывали жертву, сверху вторую доску съ гвоздями внизъ, и на нее для прочности садился заплечный подмастерье.

На Западѣ была „механическая груша“; ее вкладывали въ ротъ и съ помощью винта раздвигали до тѣхъ поръ, пока не разрывали рта.

Въ Россіи попросту забивали въ ротъ клинъ. Точно такъ же онъ крошилъ зубы и разрывалъ ротъ.

На Западѣ была „корона“ — желѣзный обручъ, который завинчивали, пока не трескался черепъ. У насъ на голову накладывали веревку, сзади продѣвали палку, и веревку закручивали до той поры, пока у несчастнаго не вылѣзали глаза изъ орбитъ.

Только дыбы имѣли одинаковое съ западными устройство. Съ потолка на блокѣ спускалась веревка съ крючкомъ. Пытаемаго связывали за руки и ноги, руки подымали и подцѣвали за веревку на крюкъ, послѣ чего начинали тянуть веревку черезъ блокъ; руки не выдерживали и вывертывались въ плечевыхъ суставахъ. Для увеличенія боли между ногъ вставляли жердь и на нее становился подмастерье. Для усиленія мукъ устраивали еще „встряску“, т. е. вдругъ опускали и сразу вздергивали подвѣшаннаго.

Для пытокъ былъ установленъ извѣстный порядокъ. Сначала просто били шелепами, батогами, кнутомъ или плетью. Потомъ подымали на дыбы и били висячаго. Въ такихъ случаяхъ били особыми плетьми, называемыми длинниками, и отсюда произошла поговорка „узнать подлинное“. Затѣмъ по изсѣченному тѣлу водили горящимъ вѣникомъ, дѣлали „встряску“; держали ноги надъ горячими углями. Поговорка „узнать всю подноготную“ произошла отъ страшной пытки—забиванія деревянныхъ гвоздей подъ кожу.

Да, время было ужасное.

Картиною изъ ада представляется расправа Петра 1-го со стрѣльцами.

Стрѣлецкій бунтъ 1698 года былъ подавленъ 18-го іюня Гордономъ, который загналъ мятежниковъ въ Воскресенскій монастырь. Ромодановскій съ Гордономъ тотчасъ оповѣстили Петра, который былъ въ это время въ Вѣнѣ, и онъ немедля выѣхалъ въ Москву.

Онъ пріѣхалъ въ концѣ августа и тотчасъ принялся за розыскъ. Въ запискахъ современниковъ Корба, Гордона и Гваріента отражается ужасъ, произведенный на нихъ безпощадной расправой. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ четырнадцати застѣнкахъ съ утра до вечера производились дознанія съ пристрастіемъ. Самъ Петръ руководилъ розыскомъ въ селѣ Преображенскомъ. Для него этотъ бунтъ имѣлъ громадное значеніе. Онъ боялся за великое дѣло своихъ преобразованій и рѣшилъ съ корнемъ вырвать всякое супротивное начало. Хрустѣли кости, потоками лилась кровь; по воздуху разносился запахъ горѣлаго мяса. Патріархъ Адріанъ вздумалъ умилостивить царя, но Петръ прогналъ его, сказавъ:

„Убирайся скорѣе и поставь икону на мѣсто. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышляющихъ“.

Застѣнокъ. Съ картины А. С. Япова. (Румянцевскій музей въ Москвѣ.)

Съ конца сентября начались казни и продолжались весь октябрь. Казнили преимущественно стрѣльцовъ и близкихъ имъ. Казнили и стариковъ, и женщинъ. Москва обратилась въ лобное мѣсто. Стояли огромныя висѣлицы, на которыхъ висѣло по нѣсколько человѣкъ; палачъ безъ отдыха рубилъ головы; несчастные корчились на кольяхъ, подвѣщенные крюкомъ за ребро; иныхъ жарили на угольяхъ, иныхъ колесовали.

Кстати о колесованіи. Немногимъ извѣстна эта мучительная смертная казнь, орудіемъ которой было колесо съ кускомъ желѣза, набитаго на ободъ, общимъ вѣсомъ до двухъ-трехъ пудовъ. Казнимаго клали на помостъ, лицомъ вверхъ или внизъ, смотря по приговору, и затѣмъ наносили удары колесомъ, какъ долбежкой, ломая и круша кости. Самый мучительный способъ былъ—разбиваніе костей на рукахъ, на ногахъ, снова на рукахъ, на ногахъ, затѣмъ плечъ, затѣмъ реберъ и наконецъ головы. Не менѣе мучительна была казнь „снизу вверхъ“, когда дробить начинали съ голеней ногъ, все выше, ребра, грудь и голову. Совершенно не мучительной казнь являлась, когда назначали „сверху внизъ“. Тогда первый и смертельный ударъ наносился въ голову. Казнь сопровождалась иногда отсѣченіемъ головы, рукъ и ногъ. Послѣ казни на воткнутый столбъ натыкалось колесо и на него накладывался казненный; въ срединѣ колеса на колу натыкали голову; если казненный еще не умеръ, то его оставляли умирать на колесѣ, и случалось, что люди съ перемолотыми костями мучились болѣе сутокъ.

Петръ I не зналъ пощады своимъ врагамъ, и число казненныхъ имъ въ эти мѣсяцы доходило до трехъ тысячъ; въ февралѣ 1699 года было казнено еще нѣсколько сотъ человѣкъ. Трупы висѣли неубранными въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, разлагаясь и наполняя воздухъ смрадомъ.

IV.

Петръ I былъ грознымъ царемъ. Быть можетъ, въ своихъ великихъ стремленіяхъ онъ и не могъ быть инымъ. „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога“,—писалъ онъ изъ-подъ Азова въ сенатъ, и точно такъ же не дорожилъ ничьей жизнью. Необходимость закрѣпить свои реформы требовала желѣзной дисциплины, борьба съ приверженцами старины, съ расколомъ—все это вызывало суровыя мѣры, такъ же какъ борьба и со зломъ прежняго времени взяточничествомъ, воровствомъ, малодушіемъ. Въ царствованіе Петра I число преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь, доходило до ста двадцати; его же воинскій артикулъ по своей жестокости едва ли не единственный: въ немъ „каждая вина виновата“; заковывали въ желѣзо, сажали на деревяннаго коня, т. е. на доску, ставили босыми ногами на колышки, вбитые въ землю, и били безъ мѣры и счета. Страшный Преображенскій приказъ работалъ въ свою очередь безъ перерыва. Въ немъ главнымъ образомъ разбирались дѣла противъ царскаго величества, и люди за глупое слово, сказанное спьяна, платились нечеловѣческими муками.

V.

Всѣ послѣдующія царствованія проникнуты тѣмъ же духомъ жестокости. Преображенскій приказъ, преобразованный впослѣдствіи въ Тайную канцелярію, продолжалъ безъ перерыва свое кровавое дѣло. Пытки и казни, казни и пытки слѣдовали за преступленіями и за проступками.

Черной полосою прошло для Рос-

сіи, а главнымъ образомъ для Петербурга, время Бирона.

Этотъ царскій любимецъ, совершенно овладѣвшій симпатіями и вниманіемъ императрицы Анны Іоанновны, прежде всего боялся за свою прочность у трона, а затѣмъ и за свою нѣмецкую партію. Страхъ — плохой совѣтникъ, и Бирону ограждалъ себя, въ свою очередь разсѣевая страхъ и не зная ни къ кому пощады. Благородный Волынскій, несчастный Шубинъ являются одними изъ сотенъ его кровавыхъ жертвъ. „Слово и дѣло“ получило самое широкое примѣненіе, братъ боялся брата, отецъ—сына, мужъ—жены и т. д.

Елизавета Петровна, взойдя на престолъ, торжественно заявила, что *не подпишетъ ни одного смертнаго* приговора, и дѣйствительно смертной казни при ней не было, но несомнѣнно виновныхъ забивали насмерть по приговору „бить нещадно“, застѣнокъ работалъ свою кровавую работу. Шуваловъ, начальникъ Тайной канцеляріи, былъ пугаломъ для всѣхъ, и торжественное обѣщаніе императрицы не помѣшало ей жестоко расправиться съ Лопухиной за ея немного легкомысленныя рѣчи.

Царствованіе императора Петра III, краткое и безцвѣтное, не успѣло ознаменоваться казнями, но царствованіе императрицы Екатерины II не можетъ быть названо гуманнымъ. Подъ вліяніемъ Беккаріи, она въ 1767 году написала въ своемъ знаменитомъ наказѣ: „Въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими“; „страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлывались беззаконія самыя безчеловѣчныя“. Но это не мѣшало императрицѣ Екатеринѣ жестоко расправляться со своими мнимыми врагами, и отвратительная личность Ушакова была одною изъ самыхъ приближенныхъ къ ея трону. Во все продолжительное время своего царствованія она считала себя непрочною на тронѣ и видѣла опасность тамъ, гдѣ ея и не бывало. Въ этихъ случаяхъ являлся на ея помощь и успокоеніе страшный Ушаковъ. Когда Мировичъ сдѣлалъ безумную попытку освободить несчастнаго императора Ивана VI Антоновича, императрица Екатерина II сама издалека руководила слѣдствіемъ и приказывала Ушакову „допрашивать накрѣпко“, подозрѣвал въ дѣйствіяхъ Мировича замыселъ цѣлаго заговора. Кровавыхъ страницъ въ ея царствованіе можно насчитать немало, а казнь

Казнь колесованіемъ въ царствованіе Петра I. («Очерки рус. ист.» М. Семевскаго.)

Пугачева черезъ четвертованіе и расправа съ его приверженцами напоминаютъ укрощенія стрѣлецкаго бунта и бунта Стеньки Разина. Помимо этого кнутъ работалъ во-всю, и точно такъ же въ приговорахъ писали о нещадномъ біеніи.

При императорѣ Павлѣ I былъ забитъ на-смерть въ 1800 году полковникъ Грузиновъ въ городкѣ Конотопѣ.

Другихъ смертныхъ казней при императорѣ Павлѣ не было, но въ это же время появился и принялъ широчайшіе размѣры иной родъ казни—палки и шпицрутены. Солдатъ били нещадно за всякую провинность, особенно за строевое ученіе, которое доходило до смѣшныхъ по мелочности требованій.

Фридрихъ Великій совершилъ величайшую реформу въ военномъ искусствѣ. До него войска ходили толпою; онъ же ввелъ воинскій строй и правильную маршировку — въ ногу. Понятно, это требовало вначалѣ внимательнаго обученія. Плацпарадъ и маршировка отнимали у Фридриха всѣ досуги, но со своимъ вымуштрованнымъ войскомъ онъ явился непобѣдимымъ. Его примѣромъ слѣпо и ограниченно увлеклись императоры Петръ III и Павелъ I, и особенно послѣдній. Фронтъ, маршировка, повороты заняли всѣ его мысли. Задачею его, а затѣмъ и всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ, явилось стремленіе, чтобы цѣлый полкъ дѣлалъ движенія „какъ одинъ человѣкъ“. Для достиженія этого не щадили никакихъ усилій, а тѣмъ болѣе солдатъ. Съ этого времени появился страшный типъ офицера-„строевика“. Солдатъ били и жестоко истязали.

Царствованіе императора Александра I ознаменовалось двумя актами милосердія. Указомъ 1801 г. были оффиціально уничтожены пытки. Но этотъ указъ извѣстенъ лишь, какъ документъ добрыхъ намѣреній. Пытки попрежнему занимали не малое мѣсто въ слѣдственномъ производствѣ, хотя уже не съ такими сложными приборами, какъ ранѣе.

Второй указъ — 1804 года — уничтожилъ въ приговорахъ слово „нещадно“. Въ этомъ году въ далекомъ Иркутскѣ былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ нещадно одинъ каторжанинъ, противъ котораго былъ озлобленъ палачъ. И тотъ, и другой были непомѣрной физической силы и для народа предстояло „интересное“ состязаніе.

Такія состязанія были постоянны при торговыхъ казняхъ болѣе или менѣе знаменитыхъ разбойниковъ. Съ одной стороны, палачъ стремился вырвать у жертвы крикъ боли и мольбу о пощадѣ, съ другой — казнимый ставилъ себѣ задачею выказать полное безчувствіе. Былъ случай, когда у снятаго съ козелъ наказаннаго не могли разжать зубы, которыми онъ впился въ свою руку, чтобы не крикнуть.

Надо замѣтить, что искусство палача доходило до виртуозности. Своимъ кнутомъ онъ могъ разсѣчь мясо до самой кости и въ то же время разорвать листъ бумаги на спинѣ человѣка, не задѣвъ его кожи.

И вотъ въ Иркутскѣ предстояло страшное состязаніе. На площадь собрались почти всѣ жители. Казнимый бодрился и шутилъ, пока его привязывали на кобылу сыромятными ремнями. Палачъ приготовился. Онъ отошелъ, напрягъ всѣ мускулы и съ крикомъ: „Берегись, ожгу!“ — нанесъ свой ударъ.

Вѣроятно этотъ ударъ былъ выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ. Обезумѣвшій преступникъ разорвалъ ремни и съ крикомъ: „Ты съума сошелъ, варнакъ!“ — бросился бѣжать къ рѣкѣ. Толпа окаменѣла отъ ужаса. Палачи бросились вдогонку. Преступникъ, обладая страшной си-

лой, отбивался отъ нихъ и бѣжалъ весь залитый кровью. Его не успѣли взять и онъ утопился.

Когда донесеніе объ этомъ случаѣ дошло до императора Александра I, онъ содрогнулся и уничтожилъ „нещадность“ въ приговорѣ.

VI.

Рядомъ съ этимъ царствованіе императора Александра I ознаменовалось особымъ способомъ битья шпицрутенами, изобрѣтеннымъ Аракчеевымъ.

Шпицрутены были гибкія палки длиною до двухъ аршинъ, толщиною въ большой палецъ. Ими наносили удары по спинѣ.

Аракчеевъ сообразилъ, что одинъ палачъ не можетъ нанести сто и болѣе ударовъ одинаковой силы, что *они непремѣнно должны ослабѣвать*, и придумалъ „проводку сквозь строй“, такъ называемую „зеленую улицу“. При этомъ способѣ человѣка можно было убить пятьюстами ударовъ.

И что же? Въ пору Аракчеева людей проводили по двѣнадцати разъ сквозь тысячу!..

Ровинскій такъ описываетъ эту ужасную картину:

„Выстраивается тысяча бравыхъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ-шпицрутенъ, — живая „зеленая улица“, только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему двигаться впередъ только медленно, такъ, чтобы шпицрутенъ имѣлъ время оставить свой слѣдъ на „солдатской шкурѣ“; сзади вывозятъ на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ, два! и пошла хлестать зеленая улица справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровавыя брызги... „Братцы, пощадите!“ — прорывается сквозь глухую трескотню барабановъ; но вѣдь щадить — значитъ самому быть тутъ же пороту, — и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица; скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ свои оловянные глаза... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много. Живой трупъ кладутъ на дроги и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ *шпалеръ*, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны“.

Это ужаснѣе самой мучительной смертной казни и въ памяти народной никогда не исчезнетъ имя злодѣя-Аракчеева.

VII.

Наступило царствованіе императора Николая I. Пытокъ не было и государь приказалъ даже уничтожить орудія пытокъ у помѣщиковъ, но въ то же время допросы съ пристрастіемъ практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Кормленіе селедкой съ лишеніемъ влаги было обычнымъ средствомъ допытываться правды. Человѣкъ умиралъ отъ жажды, внутренности его словно горѣли и онъ за глотокъ свѣжей воды готовъ былъ разсказать все, что отъ него требовали.

Въ началѣ царствованія императора Николая I казнили пятерыхъ декабристовъ, но во все его дальнѣйшее царствованіе казни не повторялись, хотя заколачиванья на

смерть являлись обычнымъ дѣломъ. Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка есть случай, когда одному еврею-контрабандисту уменьшили число палочныхъ ударовъ съ тѣмъ, чтобы удары наносились по головѣ! Врядъ ли такое уменьшеніе явилось смягченіемъ наказанія. Ровинскій разсказываетъ случай, относящійся къ началу тридцатыхъ годовъ, когда въ Москвѣ мѣщанина Васильева забили на смертъ съ четырехсотъ ударовъ. Ильинскій въ своихъ запискахъ такъ описываетъ наказаніе разбойниковъ Быкова и Чайкина въ Казани въ 1849 году:

„Первый приговоренъ былъ къ двѣнадцати тысячамъ, а второй—къ одиннадцати тысячамъ шпицрутеновъ. Уже послѣ первой тысячи ударовъ спины преступниковъ побагровѣли, покрылись лоскутьями изрубленнаго мяса и потекшею кровью, крики ихъ ослабѣли. Исполнители были жестоки. Полковникъ, распоряжавшійся экзекуціей, кричалъ во все горло, чтобы „били покрѣпче“; солдатъ, бившихъ слабо, замѣняли другими, а тѣхъ тотчасъ же наказывали тесакомъ. Послѣ пяти тысячъ ударовъ Быкова положили на телѣгу, которую везли два солдата, и дали еще тысячу ударовъ. Чайкина пришлось помѣстить на телѣгу послѣ трехъ тысячъ ударовъ и оказалось возможнымъ дать еще только пятьсотъ. Обоихъ со слабыми признаками жизни отправили въ госпиталь, гдѣ они и умерли въ тотъ же день“...

Это было въ 1849 г. Нравы отчасти уже смягчались, и Ильинскій отмѣчаетъ въ запискахъ:

„Несмотря на множество преступленій, совершенныхъ разбойниками, зрители были не на сторонѣ правосудія: въ толпѣ слышались рыданья, женщины падали въ обморокъ, чѣкоторыя молились“.

Несмотря на такіе примѣры, императоръ Николай I былъ твердо увѣренъ, что въ Россіи смертной казни уже вовсе не существуетъ. Такая неосвѣдомленность ярко характеризуется приговоромъ по отношенію къ двумъ евреямъ, нарушившимъ карантинъ. Ихъ приговорили „прогнать сквозь тысячу человѣкъ по двѣнадцати разъ“, и при этомъ государь прибавилъ:

„Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ вводить ее“.

Итакъ, въ царствованіе императора Николая I смертной казни не было, но во всей силѣ практиковались кнутъ, плети, розги и убійственный „сквозь строй“. Кромѣ того примѣнялось и мучительное клейменіе.

Что за орудіе—кнутъ, извѣстно по приведенному выше описанію. Отъ времени царя Алексѣя Михайловича онъ не претерпѣлъ измѣненій.

Плеть состояла изъ ременнаго плетива въ шесть вершковъ длиною, которое расходилось тремя хвостами по одному аршину четыре вершка длины, съ узлами на концахъ. Такимъ образомъ каждый ударъ плети равнялся какъ бы тремъ ударамъ. Эта плеть въ сороковыхъ годахъ замѣнила кнутъ, и по такому поводу криминалистъ Цеэ на брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ въ 1849 г. имѣлъ смѣлость заявить, что „Россія не остается позади просвѣщенныхъ народовъ“. Предсѣдатель на это тонко замѣтилъ, что можно одобрить уничтоженіе кнута, но никакъ не введеніе плети.

Затѣмъ широкое примѣненіе имѣли розги, для которыхъ былъ выработанъ „законный типъ“ (толщина въ гусиное перо, длина отъ 2 до 2½ арш., связывать по 4 прута), и наконецъ палки или шпицрутены, тоже — „сквозь строй“ и „зеленая улица“.

Утро стрѣлецкой казни (1698 г.). Съ картины В. И. Сурикова. (Третьяковская галлерея.)

по уложенію даже 1857 года тѣлесное наказаніе являлось дополнительнымъ ко всякому приговору, начиная отъ легкаго исправительнаго до присужденія на каторгу. Въ послѣднемъ случаѣ назначалось до ста ударовъ плетьми и клейменіе.

Клеймо состояло изъ трехъ буквъ „К. А. Т.“, т. е. „каторжникъ“, и ставилось на лбу и щекахъ. Въ 1846 году медицинскій совѣтъ составилъ инструкціи фельдшерамъ для порядка наложенія клеймъ и составъ, которымъ затирать, но въ пятидесятыхъ годахъ тотъ же совѣтъ писалъ, что „къ сожалѣнію“ нѣтъ такого состава, который не уничтожался бы временемъ и даже клейменіе каленымъ желѣзомъ „не достигаетъ своей цѣли“.

Такъ было во время царствованія императора Николая I. Правда, нравы нѣсколько смягчились. Въ народѣ уже гнушались палачемъ, и добровольно въ палачи никто не шелъ; на казни смотрѣли съ отвращеніемъ, но это не мѣшало законодательству опираться исключительно на тѣлесныя наказанія и практиковать ихъ во всѣхъ видахъ. Не проходило ни въ одномъ городѣ утра, чтобы на площади не совершалось публичнаго истязанія. Глухой звукъ барабановъ ежедневно оповѣщалъ жителей, что надъ кѣмъ нибудь совершается страшная экзекуція проведенія сквозь строй. Въ войскахъ это было каждодневное упражненіе. Не проходило дня въ школѣ, гимназіи, семинаріи, корпусѣ, чтобы стѣны заведеній не оглашались воплями наказываемыхъ розгами.

Жестокіе были нравы, и къ этому явленію болѣе или менѣе равнодушно относилось почти все общество, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ. Тѣлесное наказанье казалось вполнѣ естественной формой возмездія. Но великая реформа почти разомъ измѣнила этотъ дикій взглядъ.

VIII.

Послѣ провозглашенія въ 1861 году уваженія къ личному достоинству человѣка и правамъ свободной личности стало казаться уже чѣмъ-то безчеловѣчнымъ публичное, жестокое истязаніе, чинимое во имя закона надъ личностью преступника безъ различія пола. Точно завѣса упала съ глазъ, проснулась совѣсть, заговорило сердце человѣка.

Послѣ объявленія воли, сразу во всемъ своемъ ужасѣ и безобразіи предстала предъ всѣми картина торговыхъ казней, розги, палки, плети, клейменіе. Вопли и стоны уже не давали заснуть встрепенувшейся совѣсти и вопросъ отмѣны этого безобразія былъ уже на первой очереди. Къ этому же времени 1861 — 1862 гг. появился и романъ Ф. М. Достоевскаго „Записки изъ мертваго дома“. Эти записки въ дѣлѣ пробужденія сознанія стыда, въ представленіи всей мерзости тѣлесныхъ наказаній и ускоренія отмѣны этого позора сыграли такую же роль, какъ „Записки охотника“ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, или „Хижина дяди Тома“ въ дѣлѣ освобожденія негровъ.

Терпѣть это явленіе становилось уже немыслимо, и вопросъ объ этомъ уже оффиціально возникъ почти черезъ мѣсяцъ послѣ освобожденія крестьянъ. Починъ этому великому дѣлу положилъ сынъ закоренѣлаго крѣпостника, князь Н. А. Орловъ, бывшій въ то время посланникомъ въ Брюсселѣ. Онъ написалъ обстоятельную и очень горячую записку „объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній“ и переслалъ ее канцлеру, князю Горчакову съ просьбою представить государю. Въ этой запискѣ, коснувшись исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и указавъ, что они суть наслѣдство татарщины и измышленіе бюрократіи, князь Орловъ раз-

сматривалъ по отдѣльности всѣ виды наказаній, объяснялъ весь нравственный вредъ отъ нихъ и закончилъ записку такъ:

„Прогнаніе преступниковъ, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй шпицрутенами есть такая же квалифицированная смертная казнь, какъ четвертованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія, если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ идти по фронту, то его должно везти вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то его тѣло должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. Солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей, и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: „Господа, смотрите, чтобы люди били покрѣпче“. Приближается тысячелѣтіе Россіи: крѣпостное право уничтожено, остается дополнить спасительное преобразованіе отмѣной тѣлесныхъ наказаній“.

Эта замѣчательная записка, созданная къ тому же сыномъ яраго крѣпостника, чрезвычайно рельефно указываетъ на великій переворотъ въ воззрѣніяхъ представителей русскаго общества на тяжкія явленія жизни Россіи. Внѣ всякаго сомнѣнія этому благодѣтельному перевороту способствовалъ великій актъ 19-го февраля 1861 года. Разъ была признана личность, разъ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости былъ созданъ въ Россіи новый гражданинъ, логически должно было отпасть все то, что такъ или иначе унижало человѣческое достоинство. И вышеприведенная горячая рѣчь въ защиту человѣка не осталась безъ результатовъ.

Записка кн. Орлова обратила на себя вниманіе императора Александра II и, заслушанная въ совѣтѣ министровъ, была передана къ руководству въ комитетъ при второмъ отдѣленіи Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ въ то время составлялся проектъ новаго военнаго устава о наказаніяхъ. Комитетъ потребовалъ по этому поводу особыхъ мнѣній военнаго и морского министерствъ. Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, соглашаясь на отмѣну шпицрутеновъ, отстаивалъ сохраненіе розогъ до трехсотъ ударовъ, но великій князь Константинъ Николаевичъ горячо отозвался на сдѣланный запросъ. Онъ поддержалъ кн. Орлова, высказавъ почти тѣ же соображенія и указывая, что тѣлесныя наказанія отнюдь не способствуютъ поддержанію дисциплины и принижаютъ нравственность личности и массы.

Комитетъ одобрилъ предложенія кн. Орлова и при этомъ высказалъ мысль, что цѣлью наказаній должны быть не устрашеніе и не месть, а возможное исправленіе нравственности преступника. Комитетъ указалъ также, что тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ ни достоинству человѣка, ни духу времени, ни успѣхамъ законодательства, такъ какъ ожесточаютъ нравы, подавляютъ въ наказываемомъ всякое чувство чести и устраняютъ возможность исправленія. Дальше были приведены и справки, изъ которыхъ видно, что съ отмѣною кнута уменьшилось число преступниковъ на 20 проц., а съ отмѣною плетей и клейменія (указами 1855 и 1856 гг.) еще болѣе. Указывалось дальше, что, несмотря на всѣ льготы и даже освобожденія изъ ссылки въ Сибирь, преступники отказываются идти въ палачи, считая это занятіе „позорнымъ“.

Это заключеніе комптета было

тотчасъ разослано для высказанія своихъ мнѣній министрамъ и главноуправляющимъ. Военный министръ Д. А. Милютинъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, государственныхъ имуществъ и шефъ жандармовъ Долгоруковъ отнеслись сочувственно къ проекту отмѣны тѣлесныхъ наказаній и предложили совершить это тотчасъ, оставивъ временно, до переустройства тюремъ, розги.

Только одинъ государственный контролеръ Анненковъ, митрополитъ Филаретъ и неизмѣнный графъ Панинъ высказались противъ гуманныхъ стремленій времени.

Анненковъ, рьяный кнутофилъ, злой и ограниченный, высказался въ довольно рѣзкой формѣ. Онъ не преминулъ упомянуть, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права весь государственный организмъ сотрясенъ и что теперь „всякое измѣненіе системы наказаній несвоевременно, всякое заявленіе по сему предмету намѣреній опасно и вредно, потому что взбужденные тѣмъ вопросы и толки могутъ еще болѣе ослабить страхъ наказанія, еще сильнѣе поколебать власть, и безъ того рже ослабленную“.

Высокопреосвященный составилъ записку „о тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія“. Записка была составлена имъ по предложенію оберъ-прокурора св. синода гр. А. П. Толстого. Тяжело и трудно читать теперь эту записку, въ которой жестокость и человѣконенавистничество прикрыты текстами изъ Св. Писанія и ссылками на апостоловъ и св. отцовъ.

Понятно, самымъ ярымъ противникомъ отмѣны язился графъ Панинъ; онъ написалъ, что для народа иного наказанія, кромѣ тѣлеснаго, и быть не можетъ, а потому отмѣна ихъ могла бы показаться „отмѣною всѣхъ уголовныхъ наказаній“. По поводу женщинъ и посрамленія ихъ обнаженіемъ во время наказаній онъ написалъ, что онѣ часто совершаютъ преступленія, обнаруживающія развратъ. Вообще о стыдѣ Панинъ высказался, что преступникъ, совершая преступленіе, уже утрачиваетъ стыдливость. Въ заключеніе онъ отстаивалъ розги, плети, шпицрутены и даже со скорбью вспоминалъ „благодѣтельный кнутъ“ и клейменіе.

IX.

Къ счастью, эти подлые голоса были въ меньшинствѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, котораго нельзя было упрекнуть въ либерализмѣ, горячо всталъ за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, сенаторъ Н. А. Буцковскій и московскій губернскій прокуроръ Д. А. Ровинскій явились горячими сторонниками отмѣны и привели цѣлый рядъ соображеній и статистическихъ данныхъ, взятыхъ прямо изъ судебной практики.

Вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній перешелъ въ Государственный Совѣтъ лишь въ январѣ 1863 года.

Только одинъ неизмѣнный графъ Панинъ явился защитникомъ торговой казни, причемъ сдѣлалъ нѣкоторую уступку времени, а именно: призналъ возможнымъ допущеніе врача при казни! Онъ отстаивалъ свои позиціи шагъ за шагомъ, пунктъ за пунктомъ, поражая дикостью и звѣрствомъ даже такихъ консервативныхъ людей, какъ Гагаринъ, Толстой, Норовъ, а также и другіе.

Но время реформы настало. Освобожденіе личности и возстановленіе человѣческихъ правъ было бы не полно, если бы плеть и розги продолжали позорить человѣческое достоинство. Это сознавали всѣ.

Императоръ Александръ II среди народа въ Казанскомъ соборѣ послѣ объявленія указа объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній.
Рис. Г. Александрова.

Законъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній быстро прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ, былъ скрѣпленъ государемъ, и въ свѣтлый день его рожденія, 17-го апрѣля 1863 года, былъ опубликованъ знаменитый указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, составляющій одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскаго законодательства и озаряющій новымъ блескомъ царствованіе Царя-Освободителя.

Главное содержаніе закона 17-го апрѣля сводится къ слѣдующему: жесточайшія наказанія — шпицрутены, кошки, плети и клейменіе — отмѣняются совершенно; лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ, совсѣмъ изъемлются отъ тѣлеснаго наказанія; розги сохраняются для штрафованныхъ и ссыльныхъ.

Печальнымъ недоразумѣніемъ явилось въ этомъ законѣ сохраненіе розогъ въ приговорахъ волостныхъ судовъ.

О культурномъ значеніи этого закона говорить нечего. Оно понятно безъ словъ.

По поводу этого закона И. С. Аксаковъ написалъ въ своей газетѣ „День“:

„Силъ прибываетъ. Еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготы меньше. Удрученный бременемъ богатырь выпрямился. Благо тому, кто облегчилъ его бремя, кто снимаетъ гнетъ съ Русской земли! Плети, шпицрутены, клейма, торговыя казни,—все это было, всего этого уже нѣтъ, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золъ, пережитаго русскаго горя! „Долой,—гласитъ между строкъ государевъ указъ сенату,—всѣ орудія истязанія и срама, долой сейчасъ же, немедленно, по полученіи указа“! Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ навѣки вся эта терминологія, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти „сквозь строй“, „засѣчь“, „перепоротъ“ со всѣми ихъ безчисленными, отвратительными варіаціями! „Заплечному мастеру“ нѣтъ ужъ дѣла въ русской землѣ! Пишущій эти строки помнитъ то время, тѣ пережитыя имъ ощущенія, когда по обязанностямъ судьи, съ добросовѣстностью молодого юриста онъ подписывалъ законные приговоры о преданіи женщинъ на всенародный позоръ, на торговую казнь. Съ ужасомъ возстановляя въ нашей памяти картину минувшаго, мы тѣмъ живѣе цѣнимъ добро, дарованное указомъ: невольнымъ умиленіемъ проникается сердце“...

Указъ 17-го апрѣля 1863 года встрѣтилъ всеобщій восторгъ. Народъ въ Москвѣ въ день 17-го апрѣля потребовалъ, чтобы былъ отслуженъ молебенъ на площади предъ окнами тѣхъ комнатъ дворца, гдѣ родился государь Александръ II.

Зрѣлище было великолѣпное и трогательное.

Въ Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ народъ колѣнопреклоненный окружилъ государя и тянулся поцѣловать край его одежды.

И еще свѣтлѣе и величественнѣе сталъ государь, укрѣпляя въ сознаніи народномъ наименованіе Царя-Освободителя!..

1-50.